

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ»**

Писатели и поэты XVII в.

Аверкий (ум. ок. 1692) — земский дьячок Благовещенского погоста на р. Ваге, автор памятных записей с 1661 по 1691 г. и, возможно, краткого летописца под заглавием «О начале великого княжения Московскаго». Эти тексты обнаружены М. Н. Тихомировым в рукописи ГИМ, собр. Барсова, № 2014, л. 1—21 об. Общерусский летописец был первоначально доведен до 1629 г., а затем продолжен тем же автором, делавшим в разное время записи до 1682, 1689 и, наконец, до 1691 г. (л. 1—12 об.). Памятные записи делались периодически, на отдельных листочках, с 1661 по 1691 г. (л. 13—21 об.). «Непосредственность и свежесть» записей, посвященных главным образом событиям в Важском уезде, и Благовещенском погосте в частности, заслужили высокую оценку исследователей. Язык автора лаконичен и точен, определения емки. Записи сливаются в живую летопись административного, хозяйственного и культурного быта погоста как центра уезда и процветающего торгового пункта у «большой дороги». Сочинение А. является важным памятником развития самосознания у торгово-промышленного населения экономически активных районов Русского государства во второй половине XVII в. Характерно упоминание автора в статье о построении в 1670—1671 гг. «на Благовещенском погосте для торгу благовещенских ярманок Гостина двора» о том, что он не взял денег за свое участие в этой важной для развития погоста работе. В отличие от более ранних местных летописцев А. в своем рассказе принимает в расчет и действия московской администрации.

Особого внимания заслуживает весьма обширная в сравнении с другими записями повесть о Московском восстании, охватывающая события в столице с апреля до середины мая 1682 г. Судя по палеографическим признакам, она была написана еще до 10 июля 1682 г., вскоре после первой вспышки восстания (л. 18—21). А. вполне благожелательно изложил ту оценку начальных событий восстания, которую выдвинули и широко распространяли поднявшиеся на вооруженное выступление против «царьских изменников и всему Московскому государству разорителей» служилые и посадские люди столицы. Важно отметить, что и в последующей статье о казни Хованских 26 сентября 1682 г. автор не принял правительственной интерпретации этого события, направленной против восставших (л. 21). Вслед за тем благовещенский летописец вновь вернулся к местным делам, лишь один раз упомянув о рождении царевича Алексея Петровича, причем с крупной ошибкой в дате (1685 вместо 1690 г.). Запись 1693 г., которой заканчивается сочинение А., была сделана уже другим человеком (л. 21 об.).

Соч.: Тихомиров М. П. Заметки земского дьячка второй половины XVII века // ИА. 1939. Т. 2. С. 93—100.

Лит.: Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны: Сб. статей. М., 1967. С. 314—315; 2) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 17, 28, 156—157; Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 133—136.

А. П. Богданов

Авраамий (в миру Афанасий) (ум. весной 1672) — юродивый, затем инок, раннестарообрядческий писатель и поэт. А. был земляком, учеником и духовным сыном протопопа *Аввакума*, который так писал о нем в Житии: «До иночества бродил босиком . . . в одной рубашке и зиму и лето. . . Плакать zelo же был охотник: и ходит и плачет. А с кем слово молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет. . .» (РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 57). А. принадлежал к типу «интеллигентных» юродивых. Видимо, бродя по монастырям, он имел доступ к их книжным богатствам (это можно утверждать наверное применительно к Троице-Сергиеву монастырю, предположительно — к Иосифо-Волоколамскому). Ко времени возвращения Аввакума из Сибирской ссылки А. жил в Москве, в хоромах боярыни *Феодосии Морозовой*, где нашла приют целая община юродивых — А., Киприан, Федор.

Через несколько месяцев после возвращения, 29 августа 1664 г., Аввакум был снова сослан, на этот раз на Мезень. Царь и боярская партия, убедившись в невозможности примирения с «ревнителями древлего благочестия», обрушили на них репрессии. Адепты старой веры нуждались в новых руководителях, могущих высказаться устно и письменно по обрядовым и догматическим вопросам. А. явно подходил для этой роли, но он должен был отказаться от юродства, поскольку традиции «подвига» запрещали писательство. Поэтому ранней весной 1665 г. А. уехал из Москвы в какой-то монастырь, где и свершилось превращение юродивого в чернеца.

В Москву А. вернулся весной 1667 г. (через Владимир) и сразу возглавил здесь общину староверов. Сколь высоко стоял его «учительный» авторитет, ясно из приписки А. к письму дьякона *Федора* из Пустозерска: «Сие послание от лица священнаго диакона Федора чернец Авраамий, прочет, любезно целовав, и рукою своею подписал, яко хотящим спастися тако достоит веровати воистину. . .» (Материалы для истории раскола. . . 1881. Т. 6. С. XVII, 79). Эта приписка — так называемое «свидетельствование», т. е. подтверждение вероучительного достоинства текста.

После пострига А. не забыл, однако, своего прежнего оружия в борьбе с никонианами — устного слова. И в это время он воспринимается единомышленниками прежде всего как реальный проповедник, защитник «истинной веры» при помощи устного слова. В своем письме 1666 г. протопоп Аввакум пишет А.: «Любо мне, что ты еретиков побеждаешь, среди торга их, псов, взущаешь. Аще бы я был с тобою, пособил бы тебе хотя немного. . .» (М а л ы ш е в В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и документы о нем // Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3. С. 264). Такое понимание борьбы прежде всего как прения, спора с противником повлияло на позицию и приемы А. как писателя. Именно самому факту прения уделяет он внимание в написанном до 1670 г. «Послании к христоролюбцу». Здесь А. не только указывает основные источники из Писания, откуда можно почерпнуть доказательства для ответа противникам, но и обращает внимание адресата на поведение во время прения, на форму, в которой прение должно вестись, на случаи, когда от прения можно уклониться, а когда нельзя. В этом послании А. буквально создает «сценарий» прения, дает образцы «реплик» в форме прямой речи и «ремарок» — действий во время этих «реплик». Как образец ведения прения с противниками можно рассматривать и написанное позднее сочинение «Вопрос и ответ», к работе над которым А. обращался дважды.

А. тайно переписывался с пустозерскими узниками, и это его погубило. Ночью 8 февраля 1670 г. его взяли под стражу, отобрав при обыске письма Аввакума и другие «возмутительные» бумаги (А. был хранителем нелегальной рукописной библиотеки и архива московской общины). А. был заключен на Мстиславском дворе; допрашивали его в Чудовом патриаршем монастыре. На допросах он держался твердо, отговариваясь

скудоумием и беспамятством, а если и называл имена, то это были имена умерших людей, которым он не мог повредить. Несколько раз А. увещевали митрополит Крутицкий и Коломенский Павел, будущий патриарх, а тогда архимандрит Чудова монастыря *Иоаким* и другие иерархи, уговаривая принять новые обряды. Споры были жаркими, и дело иногда доходило до рукоприкладства. «И Павел митрополит, — пишет А., — . . . яко зверь разпыхался, и не усидел на месте своем и, пришед близ мене, взял мя левою своею рукою за бороду, правую же нача мя по ланитам бити, и збил с меня на пол клобук, и камилавку, и мантию, и просто-власа водя мя за бороду по полате. . .» (Материалы для истории раскола. . . Т. 7. С. 267). Видя, что от уговоров мало толку, иерархи приказали расстричь А.

В заключении его держали строго: окна чулана, где он сидел, заколотили досками, чтоб он не мог сноситься со своими доброхотами. Потом его перевели в другую избу, «от начальников подале», и там А., по его словам, скоро «с караулщиками поприсялся».

И в тюрьме А. продолжает писать и поддерживать связь с *Аввакумом* и другими единомышленниками. Он создает «Послание к некоему боголюбцу» (полная редакция), в котором отвечает на полученные еще до заключения под стражу вопросы и рассказывает об аресте и допросах «властьми». Это послание было, вероятно, отправлено на Мезень Ивану Аввакумовичу, а оттуда в Пустозерск протопопу Аввакуму (о нем упоминает Аввакум в своем *Житии*). По черновым записям к этому сочинению А. создает в публицистических целях текст сокращенной редакции «Послания к боголюбцу» и другие произведения: «Вопрос и ответ», «Послание к боярыне Морозовой», «Послание к дочери Христовой»; в это же время А. пишет знаменитую челобитную к царю.

Непримиримый и резко обличительный тон челобитной, по-видимому, решил судьбу А. На Болотной площади — против Кремля, за Москвой-рекой, куда выходил государев сад, где устраивали кулачные потехи и где казнили еретиков и разбойников, — А. был сожжен.

Его главное произведение — историко-полюемический сборник «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения» (1667—1669), куда кроме его собственных сочинений вошли сочинения Аввакума, дьякона Федора, *Ивана Неронова* и др., а также «слова» Иоанна Златоуста, *Максима Грека*, Сказание о Флорентийском соборе *Симеона Суздальца*, выписки из Большого катехизиса, Кормчей и другие тексты старой и новой традиций. Предисловия, предпосланные А. сборнику, «пристяжения» к отдельным главам, целенаправленные переработки текстов при включении их в сборник несомненно свидетельствуют о том, что «Христианоопасный щит веры» представляет собой единое по замыслу произведение, фиксирующее эпизоды и этапы борьбы первых старообрядцев с официальной церковью и государством. Это — один из первых образцов старообрядческой книги как историко-литературного жанра.

Этот сборник предваряется двумя стихотворными предисловиями. Второе из них А. заимствовал из «Книги о вере», опустив два последних стиха, а остальные воспроизведя почти буквально. Первое предисловие — это компиляция из вирш «*Кирилловой книги*». А. как поэт принадлежит к «приказной школе» (многие ее участники оказались в оппозиции к *Никону*).

Как стилист А. не был последователем своего учителя Аввакума. Если первый пропагандирует (в теории и практике) установку на «природный русский язык», т. е. на просторечие, то А. ориентируется на «словенский язык», который «широк есть и великославен, совокупителен и умилен, и совершен паче простаго и лятцакаго обретается, и имеет в себе великую похвалу». Но «словенский язык» А. не тяжеловесен, он гибок, он позволяет А. рисовать выразительные картины русской жизни эпохи раскола.

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1885. Т. 7; 1887. Т. 8; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: (Исследования из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным). СПб., 1898; Барсков. Памятники.

Лит.: Демин Н. Расколоучитель старец Авраамий // Учебно-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской духовной академии 67 курса. Киев, 1914, С. 124—232; Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963. Комментарии; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 82—100; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 96—99; Бунов Н. Ю. Книготворчество московских старообрядцев XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века. Л., 1983.

А. М. Панченко, Н. В. Шухтина

Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский) (ок. 1635—после 1702) — один из руководителей раннего урало-сибирского старообрядчества, автор не дошедших до нас полемических сочинений. Происходил из семьи служилых сибирских людей. Его отец Иван Венгерский был тобольским сыном боярским, в начале 30-х гг. XVII в. исполнял обязанности приказчика Ницынской слободы. В 50-х гг. XVII в. А. был поверстан в тобольские дети боярские, а около 1658 г. постригся в монахи Троицкого Кондинского монастыря. «Постригал ево черный поп Василей. . . И в том. . . монастыре жил он десять лет» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1350, л. 292 об.). В период своего пребывания здесь А. познакомился с монастырской библиотекой, о составе которой дает представление опись 1673 г. (ГПБ, собр. Русского археологического общества, № 30, л. 3 об., 5 об.—6 об.). Тогда же А. сблизился со своим будущим сподвижником — черным попом Иваном Кондинским («Иванищем»), строителем монастыря, исполнявшим обязанности настоятеля. По его поручению А. в середине 60-х гг. XVII в. ездил в Москву «бить челом» о монастырских нуждах (ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1237, л. 255, 486—488). Вскоре после возвращения из столицы он в конце 1667 или в начале 1668 г. появился в Тобольске, вступил в «спор о вере» с властями, за что его сослали в Туруханский Троицкий монастырь. Через некоторое время А. «по отпуску» удалось вернуться в Кондинскую обитель, после чего он вместе с «Иванищем» переехал в Троицкую Кондинскую пустынь на р. Исети. Это место становился одним из центров урало-сибирского раскола. Здесь, в частности, Иван Кондинский постриг под именем Даниила бывшего попа тюменской Знаменской церкви Доментиана, который вернулся на родину из ссылки в Пустозерск, куда он был отправлен в 1665 г. вместе с попом *Лазарем* и бывшим патриаршим подьяком *Федором Трофимовым*. Являясь духовным отцом Доментиана-Даниила, а также будучи, как и А., противником самосожжений, «Иванище» отказался дать благословение бывшему тюменскому попу на «гарь» в его пустыни на р. Березовке (состоялась в ночь на 6 января 1679 г.). По этому же поводу к А. и Ивану Кондинскому, вероятно, обращались крестьяне исетской деревни Мостовки, приготовившиеся в конце марта 1679 г. во главе с *Иваном Бархатовым* к самосожжению. В конце 1670-х—начале 1680-х гг. А., придерживавшийся теории «чувственного антихриста», очевидно, ведет полемику с неизвестным старообрядческим писателем из Далматовского Успенского монастыря, являвшимся автором послания «Об антихристе и тайном царстве его», в котором обосновывалась теория «духовного антихриста» (Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 019—034).

В 1682 г. А. и Иван Кондинский оказались в Утяцкой слободе Тобольского уезда, где в конце декабря того же года произошло новое массовое самосожжение, явившееся откликом на стрелецкое восстание в Москве. Незадолго до этого А. вместе с одним из организаторов выступления слободчиком Федором Иноземцевым написал не дошедшую до нас

«сказку» от имени собравшихся в слободе; «. . . а в сказке их написано, за чем они, Федка с товарищи, крест не целовали и впредь они великим государем креста целовать не хотят же; а за чем они, Федка с товарищи, не целуют, и то написано в их сказках, за их руками» (ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 9). По аналогии с другими подобного рода идеологическими памятниками старообрядческого протеста (ср., например: П о к р о в с к и й Н. Н. Тарское «противное письмо» 30 мая 1722 г. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки; Становление; Традиции. М., 1976. С. 412—417) можно предположить, что «сказка» А. и Федора Иноземцева, теоретически обосновывавшая категорический отказ от присяги новым царям Ивану и Петру, имела ярко выраженную эсхатологическую окраску. Не исключено, что именно в Утяцкую слободу было адресовано отправленное из Пустозерска послание протопопа *Аввакума*, в котором он благословлял собравшихся на добровольную смерть (см.: Л о п а р е в Х. М. Оразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 г. СПб., 1895. С. 19 (ПДПИ; Вып. 108); Ш а ш к о в А. Т. Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 96).

После Утяцкой «гари» А. и Ивану Кондинскому пришлось скрываться. 15 января 1683 г. одна из тобольских военных команд схватила в деревне Гилевой Тюменского уезда (на Дальних Кармаках) доверенного человека А. Ивана Коробейникова, у которого, очевидно, хранилась часть совместной библиотеки А. и Ивана Кондинского, однако арестованного вместе с книгами отбили местные крестьяне (ДАИ. Т. 10. С. 10—12). Некоторое время «крышющиеся старцы» жили в Тюменском уезде на р. Ирмю, а около 1686—1687 гг. они переехали на пустынные острова среди лесных Бахметских болот за Дальними Кармаками, где «Иванище» умер и был похоронен.

В эти годы, как сообщает урало-сибирское старообрядческое сочинение XVIII в. «Рукопись о древних отцах», А. через своего посланца Ивана Коробейникова устанавливает контакты с видным донским (впоследствии ветковским) расколоучителем черным попом *Феодосием*.

Тогда же разворачивается его полемика о допустимости самосожжений и о сущности антихриста с другим идеологом урало-сибирского старообрядчества — бывшим «садчиком» (слободчиком) верхотурской Красноярской слободы, а затем верхотурским атаманом беломестных казаков Яковом Борисовым сыном Лепихиным, о чем сообщает в своих «Сибирских посланиях» их обличитель тобольский митрополит *Игнатий Римский-Корсаков* (Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изд. в «Православном собеседнике». Казань, 1855. С. 13, 169—172). Впрочем, разногласия во взглядах не мешали А. и Я. Б. Лепихину сотрудничать. Так, по свидетельству того же Игнатия, по их инициативе был создан под Тюменью старообрядческий собор, к которому они «написаша рукою своею скверною на Святую Церковь хулы многия, яко воду многу, и, ругающеса, написаша Церковь Святую, и учителя своего, искони злаго врага диавола, аки змия, оплетшася окрест ея и исплюющая яд свой на Святыя тайны Святаго Тела и Крове Христовы». Этот сюжет Я. Б. Лепихин, «яко сам сый быв иконник», изобразил к тому же «в лицах» на особом листе, «и сим листом превращаше окаянный простыня сельныя жители» (Там же. С. 15—16). Упомянутое Игнатием агитационно-пропагандистское сочинение появилось, очевидно, около 1690 г., так как именно к этому времени относятся документальные известия о том, «что в Тоболском уезде и иных сибирских городов Тоболского розряду в слободах и в деревнях многие крестьяне воруют, чинят в тех слободах и в деревнях сходы без указу великих государей своим самовольством, и составляют неведомо какие писма, и с теми составными писмами бе-

гают. . . И от того во многих слободах и в деревнях те воры и составщики в крестьянх чинят смуту болшую и раскол» (ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, д. 19, л. 31). На рубеже XVII и XVIII вв. А. налаживает также связь с Керженцем.

В январе 1702 г. специальный отряд стрельцов, посланный тюменским воеводой О. Я. Тухачевским, разгромил скиты А. на островах. А. и его сподвижник старец Варлаам (в миру сын тюменского конного казака Василий Афанасьев сын Черепашков) были арестованы. Вместе с конфискованной библиотекой, состоявшей из 22 рукописных и старопечатных книг, их доставили в Тюмень. По дороге группа вооруженных старообрядцев во главе с тюменским конным казаком Елисеем Кокшаровым пыталась отбить арестантов, однако в их руки попали лишь «пустынные» книги, которые вскоре вместе с «отбойщиками» были доставлены в тюменскую приказную избу (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1350, л. 292—293 об.). В апреле того же года А. был отправлен в архиерейский дом в Тобольск, откуда ему через некоторое время удалось бежать. Он вернулся в свою старую пустынь на Ирюм; вновь собранную библиотеку А. благословил перед смертью своему преемнику иноку Тарасию. Тело А. по его завещанию было перенесено на Дальние Кармаки и похоронено на острове рядом с Иваном Кондинским.

Лит.: Б е л и к о в Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 5—7; О г л о б л и н Н. Старец Авраамий Венгерский: (Очерк из жизни старообрядцев начала XVIII века) // На сибирские темы: Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб., 1905. С. 92—115; П о к р о в с к и й Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 170—173; Ш а ш к о в А. Т. 1) Две сибирские библиотеки XVII в. // 3-я Всесоюз. науч. конф. «Книга в России до середины XIX века»: Тез. докл. Л., 1985. С. 60—62; 2) Антицерковные выступления тюменских старообрядцев во второй половине XVII века // 400 лет Тюмени. История и современность: Тез. докл. и сообщ. гор. науч. конф. Тюмень, 1986. С. 7; П и х о я Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 41—44, 54—56, 82, 192.

А. Т. Шашков

Авраамий (в миру Андрей Карамышев) (ум. 1726) — монах Далматовского Успенского монастыря, переводчик с польского языка на русский сочинения Иоанникия Галытовского «Лебедь с перием» (1679) и автор Предисловия к нему. Рукопись — автограф А. (БАН, 17.7.18) — была написана в начале 20-х гг. XVIII в. Предисловие содержит панегирическое посвящение Петру I, в котором восхваляются его военные успехи в борьбе с турками и шведами, император ставится выше героев древности, а за его любовь к Отечеству сравнивается с «жалостливой» птицей лебедем. После посвящения в книге помещены «Рифмы» *Симеона Полоцкого* на рождение царевича и великого князя Петра Алексеевича. В обращении к царю А. говорит, что перевод был сделан им с печатной книги неизвестного автора, неизвестно когда напечатанной. Чуть позже на отдельном листе кем-то было написано полное название книги с указанием об издании ее в Черниговской типографии Лазаря Барановича в 1709 г.

Свой перевод А. сумел передать Петру I следующим способом. 25 января 1724 г. в Далматовском монастыре он «сказал за собою государеву дело». 7 марта того же года А. был прислан в Тобольск к митрополиту Антонию Стаховскому, где «объявил своеручное писмо к его императорскому величеству на деле пушек на полулисте и шесть полдестевых тетратей уставного и скорописного писма руки его». После допроса «с истязанием» «онные его писмо и тетради и допросные речи за его рукою» были посланы в Синод, а сам А. был «удержан» в Тобольском Знаменском монастыре. 20 мая 1724 г. Синод распорядился письмом А. «о деле пушек» (в котором, очевидно, речь шла о каких-то махинациях далматовского архимандрита *Исаака* в связи с приобретением для монастырских укреплений пушек

на Каменском заводе) и его тетради «о чести лебяжьего пера» направить в «артиллерскую канцелярию» (ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 257, л. 1—4 об.). Из Артиллерийской канцелярии тетради А., содержащие перевод и Предисловие, были переданы в библиотеку Петра I.

Сам А. 21 сентября 1724 г. был переведен в Тобольский надворный суд для следствия, где его донос был признан ложным. Через три с половиной месяца его вновь отправили «для содержания до указа его императорского величества в Тобольский архиерейский приказ», а оттуда — в Далматовский монастырь «на смирение». Однако монастырские власти добились его перевода в Тюменский Рафаилов монастырь. Выехать туда А. не пришлось: претерпев во время следствия немало пыток, он, очевидно, заболел и вскоре скончался (Филиал Государственного архива Курганской области в г. Шадринске, ф. 224, оп. 1, № 97, л. 1—3; № 167, л. 26 об.).

Лит.: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1880. Т. 4. Стб. 255; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 116, 259, 420; Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 28; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. Т. 4, вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII—первая треть XIX в. С. 89—90; Sch m ü c k e r - B r e l o e r M. Zur Rezeption des «Lebed's periem. . .» von Ioannikij Galatovskij // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev. 1983. Köln; Wien, 1983. S. 465—494.

А. Т. Шапков

Агафоник (XVII в.) — священник, автор посланий и поучений. Биографических сведений об А. не сохранилось. Н. К. Никольский пытался отождествить его с подьячим Агафонином Тимофеевым (Послание. . . С. 393), в котором А. Прозоровский видит отца *Сильвестра Медведева* (см.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев. М., 1896. С. 50—51); однако ни в одном сочинении А. не указывает своего отчества, так что оно предположительно. Н. Ф. Каптерев (Патриарх Никон. . . С. 90—92) ранее высказал гипотезу о том, что под именем А. скрывался царский духовник *Стефан Вонифатьев*.

Послания и поучения А. связаны с церковной полемикой 1640-х—начала 1650-х гг.: послание кир Иакову по грамматическим вопросам (не ранее 2 июля 1645 г. — См.: Никольский Н. К. Послание. . . С. 392), послание архиепископу суздальскому *Серапиону* о единогласном пении (не позже 1651 г.), послание митрополиту новгородскому *Никону* об обращении на восток при чтении псалмов (не позже 1652 г.). Последнее сохранилось в сборнике, написанном рукой А. (ГБЛ, ф. 218, № 180, 1651—1652 гг.), где, возможно, ему же принадлежат сочинения «Почтение в неделю 2-ю» на текст из 67-го псалма, «О милостыни», «О церкви, како молиться в церкви», «О пении церковном», «Спорные речи о единогласном пении». Здесь же им переписаны перевод грамоты константинопольского патриарха Парфения (1651 г.) и ряд сочинений о церковном пении и порядке службы; Н. К. Никольский (Послание. . . С. 391—392) указывал сделанные А. выписки в других рукописях.

Характер созданных и переписанных А. сочинений показывает, что это скорее всего был священник (поскольку о священниках он пишет: «мне подобнии»), проживавший в Москве (Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон. . . С. 90; Никольский Н. К. Послание. . . С. 392), хорошо известный как Серапиону («ведая твое, святителю божий, ко мне, нищему, милостивное права человеколюбнаго»), так и Никону («паче же нас и сам не невеси»). А. тесно связан с греками: в послании Никону он ссылается на служение иерусалимского патриарха Паисия («сему мы самослышатели и самовидатели есмы»), на разговоры с греками («со многими епископы греческими беседовахом мы и братия наша»); в свой сборник включает

написанные в Москве проповеди и послания Гавриила, митрополита Назаретского; грамматические сочинения читает у бывшего в Москве архимандрита афонского монастыря Верховных апостол (Никольский Н. К. Послание. . . С. 390—391). Грекофил по своим убеждениям, А. особенно высоко ставит авторитет афонских монахов, упоминая их вслед за вселенскими патриархами, ранее церковью болгарской и сербской (Послание Никону); вместе с тем он неоднократно ссылается на церковный опыт Малой России.

Сочинения А. свидетельствуют о начитанности их автора, который широко привлекает для своих целей тексты Писания, отцов церкви, жития святых, проложные и патериковые легенды, «Книгу о вере», *Стоглав*, *Хронограф* (см. *Хронограф русский*). Отразившие основные вопросы полемики накануне реформы сочинения А. в дальнейшем большого распространения не получили. Они известны в единичных списках; Послание Никону, как и другие памятники из сборника А., не публиковались.

Соч.: Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. СПб., 1904 (ПДПИ; Т. 155); Никольский Н. К. Послание Агафоника к кир Иакову по грамматическим вопросам (половины XVII века) // Историко-литературный сборник: Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 390—400.

Лит.: Калитерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев посад, 1909. Т. 1. С. 87—92.

Е. К. Ромодановская

Адриан (в миру Андрей) (1627—1700) — последний досинодальный патриарх московский (1690—1700), автор посланий и грамот. До восшествия на патриаршую кафедру был митрополитом казанским и свияжским (1686—1690), а еще ранее — иеромонахом Чудова монастыря в Москве. Многочисленные грамоты и послания А. адресованы *Афанасию Холмогорскому*, *Варлааму Ясинскому*, И. С. Мазепе, *Феодосию Углицкому*, Лазарю Барановичу, *Митрофану Воронежскому* и др. Большая часть этих посланий сохранилась в сборнике 1700 г. под названием «Икона» (известны два близких по времени списка начала XVIII в.: ГПБ, собр. Погодина, № 1115 и ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1734; из более поздних списков отметим: БАН, 34.666; 16.3.12; ГБЛ, собр. Ундольского, № 210). Послания опубликованы выборочно. Сохранились письма А. к Петру I, не одобрявшему его деятельность. В 1697 г. А. составил духовное завещание (опубликовано Г. А. Скворцовым). Наиболее известные сочинения А. — Послание о бранобритии (опубликовано дважды) и «О святых судах», а также службы св. Донату, Ипатию и Даниилу Переяславскому. У А. была келейная библиотека, в составе которой находились не только богослужебные книги и богословские труды, но и светские сочинения, в том числе переведенные с польского («География» Яна Ботера, «*Великое Зерцало*», «Проблемата») и оригинальные (*Хронограф*, сочинение о св. Троице *Ермолая-Еразма*, Латухинская Степенная книга в особой авторской редакции, труды *Ивана Хворостинина*, «Хрисмологион» *Николая Спафария* и др.). Среди печатных книг у А. были голландская Библия Пискатора с виршами *Мардария Хонькова* и «Венец веры кафолические» *Симеона Полоцкого*. Сохранились гравированные прижизненные изображения А.

Соч.: О св. судах // Калачев Н. О значении Кормчей в системе русского права. М., 1850. Приложение. С. 11—80 (по списку ГБЛ, собр. ОИДР, № 257); Архив Юго-Западной России. Киев, 1872. Ч. 1, т. 5. С. 439—452 (послания, включенные в сборник «Икона»); Грамоты патриарха Адриана и архиепископа Холмогорского Афанасия о Соловецком монастыре // ПДПИ. СПб., 1879. Вып. 3. С. 5—38; Скворцов Г. А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последние десятилетия XVII в. Казань, 1913. (Завещание А. и Послание о бранобритии).

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 19—20; Строев. Словарь. С. 12—13; Филарет. Обзор. С. 256—257; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Пг., 1889. Вып. 1. С. 128—133; Цветаев Д. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 169—172; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 17; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 18—20; Портрет петровского времени: Каталог выставки. Л., 1973. С. 224—225; Белобрава О. А. К истории библиотеки патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 406—414.

О. А. Белобрава

Акундинов (Акиндинов, Анкидинов, Анкудинов) **Тимофей Демидович** (1617—1654) — самозванец, выдававший себя то за сына, то за внука (по женской линии) царя Василия Шуйского и претендовавший на московский престол, автор писем и стихотворной декларации. Родился в Вологде, в семье стрельца, который служил у архиепископа Варлаама и одновременно вел торговлю холстом. 19 лет А. был в «пищиках» в вологодской съезжей избе. Переехав в Москву, стал подьячим в приказе Новой Чети, где ему покровительствовал известный администратор и дипломат дьяк Иван Патрикеев.

Около 1643 г. А. бежал в Польшу. Подьячий Константин Евдокимов Конюхов (Конюховский), бежавший вместе с ним и сопроводивший его в странствиях, показал позднее под пыткой, что в ночь перед побегом А. сжег свой дом — вместе с нелюбимой женой, которую там намеренно запер, прежде вывезя детей к подьячему Ивану Пескову. Трудно сказать, соответствует ли это действительности. По-видимому, бегство А. и Конюхова из Москвы было как-то связано с опалой, которая постигла их покровителя Ивана Патрикеева после его неудачной поездки в Данию за женой для царевны Ирины Михайловны (посольство вернулось в сентябре 1642 г.).

В Польше А. объявил себя гонимым царевичем. Есть сведения, что он был представлен королю и взят на дворцовое содержание. Однако после вмешательства русских послов А. пришлось уехать в Турцию. В Царьграде он старался заручиться поддержкой султана, для чего, между прочим, «побусурманился». Но и принятие магометанства мало ему помогло. С помощью сербов самозванец в 1648 г. перебрался в Рим, где ходатайствовал перед папой о признании своих прав на московский трон, взамен обещая обратить русских в католическую веру (сам А. здесь перешел в католичество и, как отмечают источники, принимал «сакрамент»).

Когда и эти надежды потерпели крушение, он через Австрию, Венгрию и Польшу уехал на Украину к Богдану Хмельницкому. Московские представители настойчиво хлопотали о выдаче беспокойного авантюриста. Хмельницкий отказал, сославшись на то, что у него на Украине, как и в области Войска Донского, всякому пришлому «вору» жить вольно. Тем не менее А., наслышанный о непостоянном праве гетмана, отправился в новые скитания.

Мятежи, вспыхнувшие в 1650 г. в Пскове и Новгороде, вселили в самозванца надежду, что позиции новой русской династии все еще шатки. А. добрался до Ревеля, откуда собирался «шпиговски или лазутчески» пересылать в Псков пропагандистские «грамотки». Однако мятежи были тотчас подавлены, и А. в 1651 г. переехал из Ревеля в Швецию, где в который раз переменил веру (на этот раз он перешел в лютеранство), затем жил в Нарве и Кенигсберге. Но конец авантюры был уже близок.

В 1652 г. шведские власти позволили людям русского посланника схватить в Ревеле Конюхова, который 28 мая был доставлен в Москву. А. (в обмен на некоторые торговые уступки) выдала в 1653 г. Голштиния, где он пытался найти новое убежище. По дороге пленник тщетно пытался покончить с собой, в Москве был допрошен в застенке, отрекся на очной

ставке от своей матери инокини Стефаниды (в миру Соломонида) и четвертован.

А. был образованным и одаренным человеком. Конохов рассказывал, что А. еще в Москве «звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался . . . и в Литве он и досталь того научился». Литературное наследие А. довольно обширно. В основном это — эпистолярная проза, в том числе письма и послания к Конохову, к дубровницкому князю Милутину, к русскому резиденту при Богдане Хмельницком Василию Унковскому и другим адресатам. Письма А. — не столько документы, сколько публицистика. Поскольку он старался доказать, что законно претендует на московский трон, то и письма свои стилизовал как «царские письма». Стилизация эта, естественно, опиралась не на реальные тексты, вышедшие из-под пера членов царствующего дома, а на представления самого А. о том, как должен говорить и писать монарх. А. придумывает некий «царский язык» — макаронический, ритмизованный, изобилующий метафорами. Эти образцы «царского языка» чрезвычайно важны для изучения психологии и истории русского самозванства, потому что из всех самозванцев только А. оставил столь обширное эпистолярное наследие.

А. вошел также в историю русской книжной поэзии. 11 декабря 1646 г. он подал в Царьграде русским послам написанную неравносложными стихами декларацию, в которой заявлял о законности своих притязаний (декларация сохранилась в делах Посольского приказа и была обнаружена в 1960-х гг. Ю. Б. Симченко). В декларации есть очевидные полонизмы («я естем», «Польска»), однако и метрика ее, и стилистика в общем типичны для приказной школы (А. был подьячим и вращался в той же среде, что и приказные поэты). Однако русским послам в Царьграде декларацию подавал не подьячий, а «государевич», как выражался А. Значит, мерную речь он тоже считал разновидностью «царского языка». Как известно, царь *Михаил Федорович* ценил искусство слагать вирши. Может быть, А. полагал (ошибочно или нет?), что царь Михаил и сам пробует свои силы в стихотворстве, — тогда стихотворная декларация поддельного «государевича» становится понятной и как памятник «царского языка».

До сих пор наследие А. издано только частично и исследовано явно недостаточно. Между тем его надо изучать в целом (эпистолярную прозу, поэзию, вымышленные родословные, поддельные грамоты) — и не только как исторический источник, а как литературную «игру в царя».

Соч.: Шмурло Е. Ф. Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 годах. Прага, 1928. С. 174—180, 279; Мошин В. А. 1) Руски самозванца и Дубровник // Историчк зборник. Загреб, 1952. Т. 5, № 1—2. С. 71—84; 2) Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 24. С. 309—313; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 85—90, 366 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Лит.: Соловьев С. В. Тимошка Акиндинов: Одинадцатый самозванец // Финский вестн. Гельсингфорс, 1847. № 13. С. 1—38; № 14. С. 1—34; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1894. Кн. 2, т. 6—10. Стб. 1286, 1497—1500, 1601—1608, 1644—1649; Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 172—173; Мошин В. А. Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 491—514; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 70—78; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 78—81.

А. М. Панченко

Александр (в миру Алексей) (первая половина XVII в.) — инок, автор Жития Иринарха Затворника. В Житии своего учителя Иринарха — затворника Ростовского Борисоглебского монастыря — А. мало что сообщил о самом себе. Из Жития ясно лишь, что автор, узнав о затворничестве Иринарха, пожелал и сам подвизаться так же. Придя к Иринарху, он стал

просить постричь его в иноческий чин и взять к себе в ученики. Иринарх с радостью принял его, и А. был пострижен. С тех пор инок А. в течение 30 лет был неотлучным учеником Иринарха до самой смерти последнего в 1616 г. Из Жития известно также, что А. по поручению Иринарха трижды ходил в Москву. Первый раз (в 1608 г.) он сопровождал своего учителя к царю Василию Ивановичу, которому Иринарх шёл сообщить о своем видении, предвещавшем разорение Московского царства ляхами. Вторым раз А. приходил в Москву к князю Михаилу Скопину-Шуйскому за честным крестом Иринарха, которым последний благословлял князя на борьбу с литовцами в 1610 г. С такой же целью приходил А. и к князю *Дмитрию Пожарскому*, но в этот раз у него было и дополнительное поручение: он ходатайствовал перед князем Пожарским об освобождении Борисоглебского монастыря от доставки припасов для войска по причине разорения монастыря литовскими интервентами.

Житие Иринарха было написано А. по завещанию учителя и, как предполагает В. О. Ключевский, вскоре после кончины Иринарха в 1616 г.: «Одно из посмертных чудес, приложенных к житию, помечено 1653 г., а последнее — 1693 г., но по изложению их видно, что они записывались позднее жития постепенно, разными людьми и даже в разных местах» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 323). Поскольку Житие написано человеком, близко знавшим Иринарха, прожившим с ним рядом целых 30 лет, неудивительно, что в нем много фактических сведений об Иринархе, в том числе и о годах его жизни, предшествовавших пострижению. Постригся Иринарх на 30-м году жизни в Ростовском Борисоглебском монастыре и начал подвижничество свое тем, что стал ходить босой и в рубище, чем навлек на себя гонения и преследования со стороны иноков монастыря. Гонения вынудили Иринарха покинуть Борисоглебский монастырь, и некоторое время он жил в Авраамиевом Ростовском монастыре. Спустя три года новый настоятель Борисоглебского монастыря возвратил Иринарха в его прежнюю обитель. Здесь в возрасте 38 лет Иринарх затворился в келье, приковал себя цепью к стулу, повесил на себя вериги, тяжесть которых постоянно увеличивал. С исторической точки зрения наиболее интересны те подробности биографии Иринарха, которые связаны со Смутным временем. Автор Жития использует мотив видения, так популярного в Смутное время. Однажды в «тонком сне» видел Иринарх Москву в огне и во власти ляхов. Понуждаемый «гласом» и советом настоятеля монастыря, он отправился в Москву к царю Василию Ивановичу, дабы рассказать ему о видении. Далее А. сообщает много подробностей из жизни Иринарха в период польской интервенции, которые, видимо, призваны показать историческую роль старца в деле освобождения России от польских интервентов. Автор Жития, например, подробно рассказывает о приходе в монастырскую келью Иринарха «свирепого» пана Микульского, а позднее Сапеги, передает происходивший между ними и Иринархом диалог. Оба поляка испытывали старца вопросом, какого царя он признает. И оба получили одинаковый ответ: «Я живу в России и признаю русского. Другого же не знаю». Особенно тронут был твердостью, смелостью старца, его подвижничеством Сапега, который не только без гнева выслушал совет Иринарха покинуть Россию, но и прислал ему 5 рублей денег, строго запретив полякам тревожить обитель. Автор Жития приписывает Иринарху и более значительные заслуги. По его мнению, благословение Иринархом князей Скопина-Шуйского и Дмитрия Пожарского сыграло большую роль в победе этих князей над интервентами.

В Житии перечислены чудеса, совершенные Иринархом при жизни, а также посмертные чудеса. Причем в некоторых списках все чудеса перечислены в конце Жития, после сообщения о смерти Иринарха, в других же вначале идут чудеса, совершенные при жизни, затем следует сообщение о смерти Иринарха, после чего перечисляются посмертные чудеса.

Текстологическое исследование списков Жития Иринарха не проведено (списки перечислены у В. О. Ключевского и Н. П. Барсукова). Нет и научного издания Жития. В отрывках оно опубликовано В. М. Ундольским в ЧОИДР, по двум редакциям — в РИБ; пересказано близко к тексту с заменой устарелых выражений Амфилохием. Ср. краткий пересказ Жития у Филарета («Русские святые», под 13 января) и в «Словаре историческом о святых».

Соч.: У н д о л ь с к и й В. М. Библиографические разыскания. М., 1846. С. 62—68; Г о л с т о й М. Древние святые Ростова Великого. Приложение 2. Отрывки из современного жития преподобного Иринарха Затворника // ЧОИДР. 1847. № 2, отд. 1. С. 63—67; А м ф и л о х и й, архимандрит. Жизнь преп. Иринарха затворника Ростовского Борисоглебского монастыря. М., 1863; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909 (РИБ; Т. 13).

Лит.: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 122—123; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 323; Б а р с у к о в. Источники агнографии. Стб. 224—225; Ф и л а р е т. Обзор. С. 313.

Л. В. Соколова

Александр (30 XI 1603—17 XII 1678) — епископ Вятский и Великопермский, автор «Отписки» царю, письма Паисию Газскому, вопросов и ответов к Собору 1666 г., а также службы Логину Коряжемскому и «Сказания о зачале Николо-Коряжемского монастыря». Будущий епископ А. родился в г. Сольвычегодске, в 1631 г. постригся в монахи в Николо-Коряжемском монастыре, в 1643 г. избран игуменом, а в 1651 г. назначен архимандритом в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. 3 июля 1655 г. рукоположен патриархом *Никоном* в епископа Коломенского и Каширского взамен лишнего епархии и сосланного епископа Павла Коломенского. 5 декабря 1657 г. А. переведен во вновь образованную Вятскую епархию, куда прибыл 4 апреля 1658 г. Вятским епископом он оставался до 8 января 1674 г., когда самовольно ушел на покой в Николо-Коряжемский монастырь, где принял схиму и скончался (даты рождения и смерти А. устанавливаются по Кормовой книге Николо-Коряжемского монастыря).

Из всех членов русского епископата, не считая рано умершего епископа Павла Коломенского, А. был наиболее близок к старообрядческой партии, на церковных соборах исподволь отстаивал ее интересы, а после ухода Никона с московского патриаршества (в июне 1658 г.) открыто выразил свое несогласие с церковными реформами, проведенными патриархом. Вынужденный следовать церковной дисциплине, А. неизменно ставил свои подписи под решениями соборов и на словах признавал реформированные книги и обряды, хотя в своей епархии всячески тормозил проведение реформ в жизнь. У А. в Москве и на Вятке находили прибежище гонимые старообрядцы, как, например, игумен Феокист, которому епископ давал списывать важные государственные документы. Старообрядческие руководители присылали А. для отзывов и исправлений свои сочинения (Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 313—314), просили собрать те или иные материалы для обличения обрядовых нововведений Никона и исправленных при нем богослужебных книг. Собранные А. материалы старообрядцы широко использовали. Так, среди отобранных властями у игумена Феокиста при его аресте документов упомянуты сочинения, написанные, как пояснил Феокист, епископом А.: «Две тетради о сложении перстов крестнаго знаменья, собрание Олександра, епископа Вятского» (Материалы. . . Т. 1. С. 324, № 6); «Грамота Александра Вятского. . . да тут же вопрос о нынешнем настоящем времени и ответ Александра епископа напротив того же вопросу, полтора столбца» (Там же. С. 331, № 43).

Среди столбцов московского Успенского собора имеется текст сличения Службеника, напечатанного при патриархе Никоне (М., 1658) со Службеником Филаретовской печати (М., 1623) (ГИМ, собр. столбцов Успенского

собора, № 165). На обороте этого столбца написана челобитная от 1663 г., адресованная А. Как можно полагать, сличение служебников было осуществлено лично А. в названном году или несколько раньше (отрывок этого сочинения издан Н. И. Субботиным в т. 8 «Материалов. . .» под названием «Сличение Филаретовского служебника с Никоновским, сделанное для Александра епископа Вятского»).

Особое место в изучении творческого наследия А. имеет рукописный сборник ГБЛ, Рогожское собр., № 667, в котором собраны многочисленные материалы, относящиеся к идеологической борьбе 60-х гг. XVII в. Один из двух почерков этого сборника идентичен почерку А., известному по его подписям под решениями церковных соборов 1660 и 1667 гг. Об участии А. в создании сборника свидетельствуют и имеющиеся в нем (л. 316 об.) записи: «Приписано рукою архиерея. Смиранный Александр Вятцкий» и др. (Б у б н о в. Книготворчество. . . С. 27—28, 35—36).

В 1662 г. А., откликнувшись на обращение царя *Алексея Михайловича* к церковным иерархам, подал царю свою «Отписку» по поводу «клятвы» (проклятия), наложенной опальным патриархом Никоном на митрополита Сарского и Подонского *Питирима* («местоблюстителя патриаршего престола»), а также на боярина, окольникового Семена Лукьяновича Стрешнева. Эта «Отписка» была подана царю на лобном месте 8 июля 1662 г. (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 191—199 об. — нач.: «Благоверный и христоролюбивый . . . Алексей Михайлович . . . Богомолец твой государев вяцкий епископ Александр, бога моля, челом бьет. . .»). Исследовавший это сочинение Н. Гиббенет отметил, что названная челобитная А. является откликом на призыв Паисия Газского к русским архиереям побудить царя к скорейшему избранию нового патриарха: «Почему вы, пастыри церкви, не бережете патриаршего престола и не радуете об избрании патриарха? Это ваше дело и радение». «Послание Александра Вятского к царю, — пишет далее Н. Гиббенет, — почти все основано на мнениях и заключениях Паисия Лигарида и даже в подражание сочинению последнего разбито на 30 пунктов» (Г и б е н е т Н. Историческое исследование. . . Ч. 2. С. 18. — Исследуя названное послание, Н. Гиббенет пользовался неизвестным нам списком сочинения, подписанным именем А., и принадлежность сочинения этому автору не вызывала у него сомнения). Несколько позднее, в 1669 г., это же сочинение А. использовал старообрядческий писатель инок *Авраамий*, включивший его в несколько переработанном виде в составленный им сборник «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», изданный Н. И. Субботиным по списку ГИМ, Синодальное собр., № 641 (Материалы. . . Т. 7. С. XIII—XXIV, 112—150). По этому же списку еще раньше сочинение было издано Н. С. Тихонравовым под названием «Обличение на Никона патриарха, написанное для царя Алексея Михайловича». В старообрядческой рукописи БАН, собр. Дружинина, № 729 (772), л. 83—83 об. есть такой отзыв об этом сочинении: «Тако же Александр, епископ Вятский, на соборе страхом подписался, но последи плакаше и рыдаше, новин весьма ненавидаше. Свидетельствуют о сем явственно того писание жалобное к царю, подавше на Никона во 171-м году, в нем же Никоновы прегорчайшия плоды изъяви, како Никон печатные книги издаде, мятежа и смущения полны. . .». С делом о Никоновой «клятве» связано, по-видимому, и письмо А. к митрополиту Паисию Газскому, написанное тогда же: «Собрание смиренного Александра противо клятвы Никоновы», сопровождаемое «вопросными столбцами» к митрополиту (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 303—316).

Внимание исследователей до сих пор не привлекало еще одно сочинение А. Это «Вопросы к собору наименьшего из архиереев» (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 430—437 об.). К сожалению, это сочинение, содержащее 28 вопросов (из 51?), в названном списке не имеет конца, так как рукопись дефектна. Хотя «Вопросы» не имеют подписи, их несомненно задавал со-

бору иерархов епископ А., который и ранее любил себя называть «наименьшим из архиереев». В сочинении не только ставятся вопросы, но и даются на них ответы, т. е. оно написано в форме диалога. В предисловии автор просит архиереев рассмотреть и утвердить его ответы, написанные против «неправедно мудрствующих церкви». Здесь разбираются изменения, внесенные реформаторами в символ веры в книгах «новой печати», в обряд крещения для переходящих в православие «римлян и униатов», вопрос о несогласии новопечатных книг (изданных после 1654 г.) со старыми и между собою. В ответах А. собору разбираются Требник 1658 г., Скрижаль 1656 г., Шестоднев 1660 г., критикуется патриарх Никон за строительство собственных патриарших монастырей и др. Очевидно, сочинение было написано накануне Собора 1666 г. и вопросы А. были обращены к его участникам (см.: Б у б н о в Н. Ю. Источники. . . С. 7—8). Возможно, что именно об этом сочинении говорится в «росписи» бумаг игумена Феокиста: «. . . столпчик, вопросы Александра епископа от всего освященного собора (ко всему освященному собору), писан на черных столбцах и на лоскутах, пятьдесят один вопрос о церковных вещах» (Материалы. . . Т. 1. С. 330—331, № 40; оригиналы столбцов хранятся в ГИМ, собр. Успенского собора, № 176, 178 и 179). По-видимому, еще один список этого сочинения А. сохранился в составе рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 294, где на л. 76—125 находится «Вопросы, предложенные Московскому собору владык Александром, епископом Вятским, о новоисправленном Потребнике» (всего 26 вопросов), а на л. 125—180 содержится 21 вопрос того же А.: «О несогласии церковных книг между собою» (см. в описании А. В. Горского и К. И. Невоструева). Это и другие сочинения А. послужили, как можно думать, поводом для разбора его дела на одном из заседаний Собора 1666 г.: «Приглашен бысть и предста вядкий епископ Александр и вопрошен о писании си, еже он писа, обхуждая святого символа благоисправление, такожде и новопечатных книг праведное напечатание и иных чинов церковных благоустроение. И он не отрекся писания своего, точию моляше удостоверитися о непогрешении новоисправленных книг и святого символа». А. написал «Покаянный свиток» собору, после чего был прощен (см.: Материалы. . . Т. 2. С. 79).

Помимо вышеназванных сочинений, посвященных полемической борьбе двух церковных группировок в ходе церковной реформы патриарха Никона, имя А. связано с созданием некоторых литературно-агиографических произведений, посвященных Николо-Коряжемскому монастырю. Так, И. М. Верюжский приписывает А. создание службы местному святому Логину Коряжемскому, написанной около 1650 г. (В е р ю ж с к и й И. М. Исторические сказания. . . С. 486). Наблюдения над текстом «Сказания о зачале Николо-Корежемского монастыря и начальнике его старце Логине» позволили А. Н. Власову установить принадлежность этого крупного памятника русской агиографии перу А. (Б у б н о в Н. Ю., В л а с о в А. Н. Александр Вятский. . . С. 378).

Епископ А. имел большую библиотеку. Видимо, большую ее часть он пожертвовал «на свое обещание» в Николо-Коряжемский монастырь, куда с 1657 по 1674 г. от него поступило 37 книг и рукописей (см. Кормовую книгу Николо-Коряжемского монастыря). Современное местонахождение семи из этих книг известно (см.: Н и к о л ь с к и й. Рукописная книжность. С. 28—29). Еще шесть рукописных книг удалось разыскать и идентифицировать их принадлежность к библиотеке А. в недавнее время (см.: Б у б н о в Н. Ю., В л а с о в А. Н. Александр Вятский. . . С. 378).

Соч.: Летописи Тихонравова. М., 1868. Т. 5, отд. 2. С. 163—178; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 313—314, 324, 330—331; 1876. Т. 2. С. 79; 1885. Т. 7. С. XIII—XXIV, 112—150; 1887. Т. 8. С. XII—XIII, 131—136.

Лит.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 439—441; Верюжский И. М. Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880. С. 486; Гиббнет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1—2. С. 18 и др.; Строев. Словарь. С. 14; Срезневский В. И. Сведения о рукописях . . . поступивших в Рукописный отдел БАН в 1900 и 1901 гг. СПб., 1901. С. 123—125, № 8 и прилож. 1, с. 186—189 (Кормовая книга Николо-Коряжемского монастыря); Вережгин А. С. Из истории Вятской иерархии: Первый епископ вятский Александр (1658—1674) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909. Вып. 2. С. 7—8; Бубнов Н. Ю., Копанев А. И. Археографические экспедиции 1966 и 1967 гг. в Медвежьегорский (Заонежье), Пудожский и Беломорский районы Карельской АССР и Архангельскую область // Сборник статей и материалов по книговедению. Л., 1970. Вып. 2. С. 327—336; Бубнов Н. Ю. 1) Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1975. С. 7—8; 2) Книготворчество московских старообрядцев XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века. Л., 1983. С. 27—28, 35—36; Бубнов Н. Ю., Власов А. Н. Александр Вятский — писатель и книжник XVII века // ТОДРЛ. Л., 1987. Т. 41. С. 375—380.

Н. Ю. Бубнов

Александр (вторая половина XVII в.) — строитель Киржачского Благовещенского монастыря, автор редакции *Жития Даниила Переяславского* и письма архимандриту Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском Варфоломею. Время, когда А. подвизался в монастыре, может быть определено только большим интервалом: в книге И. Ф. Токмакова годы его правления не обозначены (Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача (Владимирской губернии). М., 1884. С. 10), в справочнике П. М. Строева его имя вовсе отсутствует; предшественник А. — Антоний — упоминается под 1654 г., а преемник — Иоасаф — под 1700 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 701; Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание. . . С. 10). Датировать работу А. над *Житием Даниила* несколько точнее помогает переписка редактора с давним благословением на переработку *Жития* архимандритом Варфоломеем, который управлял Даниловым монастырем с 20 марта 1675 г. до 1701 г., когда был смещен за попытку укрыть часть денег, оставшихся после И. П. Барятинского (см.: Свирелин А. И. Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 87; Строев П. М. Списки иерархов. . . Стб. 668; Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле Залесском. Сергиев Посад, 1908. С. 61, примеч. 1). Переписка, дважды опубликованная А. И. Свирелиным и перепечатанная С. И. Смирновым (последний уже не нашел подлинника в архиве Данилова монастыря), включает письмо Варфоломея, где архимандрит беспокоится, как идет редакторская работа («о том преподобнаго житии к нам известно ничего не бывало»), и успокоительный ответ редактора, который пересылает при нем первую часть своего труда.

Созданную А. новую — пятую по счету — редакцию *Жития Даниила* С. И. Смирнов отождествил с тем вариантом жизнеописания святого, который читается в трех рукописях XVIII в.: из библиотеки Данилова монастыря, № 14; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 1026; ГИМ, собр. Уварова, № 185. В последней рукописи начало текста воспроизводит первоначальную редакцию (в справочнике Н. П. Барсукова и в книге А. Кадлубовского редакция А. смешана с первоначальной редакцией *Жития*: Барсуков. Источники агиографии. Стб. 147; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 1—5. Варшава, 1902. С. 273, примеч. 1). К числу особенностей редакции А., отмеченных С. И. Смирновым, относятся замена слова «старец» выражением «преподобный отец наш Даниил», распространение названий глав и некоторое перераспределение материала между ними, лексические замены. Поскольку в перечисленных рукописях читаются вторичные редак-

ции Повести о обретении мощей Даниила (вторая сокращенная редакция по терминологии С. И. Смирнова) и Чудес Даниила (полная редакция по терминологии С. И. Смирнова), исследователь полагает, что автором этих редакций также был А. Из текстов данииловского цикла, которые можно приписать А., полностью в книге С. И. Смирнова издана только вторая сокращенная редакция Повести о обретении мощей; из Жития в обработке А. учитываются лишь отдельные варианты, а его редакция Чудес используется для исправления основного списка.

Соч.: С в и р е л и н А. И. 1) О начале и устройении Переславского Даниилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 86—88; 2) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переславского чудотворца. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894. С. 54—55; С м и р н о в С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908.

Д. М. Буланин

Александр (ум. 1699) — уроженец Углича, архимандрит Иосифо-Волоколамского монастыря (1682—1685), затем архиепископ Великоустюжский и Тотемский (1685—1699), автор духовного завещания, книголюб. Духовное завещание написано А. 13 мая 1699 г. и содержит перечень имущества, в том числе книг, входивших в его келейную библиотеку и предназначенных владельцем для передачи в великоустюжский Успенский собор. При А. была расширена епархия (присоединен город Яренск с уездом), для чего владыка дважды выезжал в Москву. Сохранились грамоты, отписки, письма и челобитные от А. и к А.: одни о хозяйственных делах (постройка церквей, наказания казначею, уничтожение кабака у женского Спасского монастыря), другие по разбору жалоб (о сборе недоимок, о кражах, о пьянствующих попах) и др. (см.: Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 1. 1500—1699 гг. // РИБ. СПб., 1890. Т. 12). В сфере внимания А. находились также меры по сохранению церковных книг (осуждены случаи хищения книг и подчистки текстов). Личные вкусы А. характеризует интерес к собиранию книг: так, в 1690 г. по его указу из соборной церкви Сольвычегодска была затребована в Великий Устюг книга Козмы Индикоплова «для списания». Некоторые книги А. приобретал, другие заказывал переписать, а «Небо новое» вывез из Иосифо-Волоколамского монастыря (в подстрочной записи владелец назван его архимандритом). Келейные книги А. помечены либо 1692, либо 1699 г. Судя по составу келейной библиотеки (38 рукописных и 26 печатных книг), он был сторонником церковных реформ, не чуждым «латынской премудрости». Наряду с Катехизисом, Толковым Апостолом, сочинениями Дионисия Ареопажита среди рукописных книг А. находятся «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона, «Небо новое» Иоанникия Галытовского, перевод Церковной истории Барония, «*Великое Зерцало*», «Проскинитарий» (с приемом о вере) *Арсения Суханова*, *Космография*, *Азбуковник*. В числе печатных книг А. ряд сочинений *Симеона Полоцкого* («Обед душевный», «Вечеря душевная», «Псалтирь на виршах», «Жезл правления», Повесть о Варлааме и Иоасафе), «Мир с богом человеку» *Иннокентия Гизеля*, «Руно орошенное» *Димитрия Ростовского*, Лексикон Памвы Берынды, а также две цельногравированные голландские книги: Атлас Фредерика де Вита (1688) и Библия Пискатора (1643). Рукописные книги А. хранятся в Устюжском собр. РО БАН СССР (один сборник — в ГПБ, ОЛДП, Q.201), местонахождение книг кириллической печати и Атласа не установлено; Библия Пискатора с русским прозаическим рукописным текстом находится в Великоустюжском краеведческом музее.

Соч.: Копия с духовного завещания просвященного Александра, архиепископа Великоустюжского и Тотемского // Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. Приложение XVII. С. 54, 124—127.

Лит.: С у в о р о в Н. Об иерархах бывшей Великоустюжской епархии // Вологодские епархиальные ведомости: Прибавления. 1869. № 13. С. 472—473; С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 183,

734; Степановский И. К. Вологодский сборник. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 28, 466—472; Лопарев Х. Описание рукописей имп. ОЛДП. СПб., 1893. Ч. 2. С. 280—281, № 201; Бочановский Вл. К истории просвещения в Древней Руси XVII века: Книги в Устюге Великом. СПб., 1892; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1.: XVIII в. С. 177—178; Власов А. Н. 1) Типы Устюжской четвей книги в XVII век // 3-я Всесоюз. науч. конф. АН СССР «Книга в России до середины XIX века»: Тез. докл. Л., 1985. С. 47—48; 2) Проблемы развития книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска в XIV—XVII вв. (На материале рукописей и цикла литературных памятников Великоустюжского и Сольвычегодского происхождения): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1985. С. 5, 7 и др.

О. А. Белоброва

Александр (ок. 1674—III 1720) — дьякон, старообрядец-поповец, глава одного из нижегородских керженских скитов, автор послания. Посадский человек из костромского пригорода Нерехта. В 1701—1702 гг. был дьяконом церкви Владимирской Божией матери в Нерехотском женском монастыре. В нижегородские старообрядческие скиты ушел вместе с женою, которая там приняла пострижение. Сам А. был пострижен в ските попа Лаврентия, и около 1710 г., после смерти Лаврентия, сделался главою этого скита. С именем А. связаны так называемые «Дьяконовы ответы» — развернутый трактат в защиту старообрядчества, который был составлен в ответ на вопросы, заданные в 1716 г. старообрядцам Чернораменских скитов игуменом Питиримом, в скором будущем епископом Нижегородским, искоренявшим по поручению светского и духовного начальства «раскол» в Нижегородском крае. «Дьяконовы ответы» — плод коллективного труда керженских старообрядцев. Над их составлением трудился и настоятель Выговского беспоповского общежительства *Андрей Денисов*, для которого эта работа стала подготовкой к работе над знаменитыми «Поморскими ответами» (перечень списков «Дьяконовых ответов» дан в кн.: Дружинин. Писания старообрядцев. С. 346—347). Из сочинений самого А. известно послание на Ветку от 20 февраля 1716 г., которое он написал совместно со священниками *Андреем* и *Герасимом*. Послание было вызвано вопросами Питирима и требовало от ветковцев ответа на отдельные из них. Опубликовано по единственному известному списку ГИБ, О. 1.489, л. 75 об.—76 об.

После подачи в 1719 г. ответов архиепископу Питириму (см.: Объявление, како преосвященный Питирим, епископ Нижегородский и Алатарский, с раскольническими учителями при собрании множайшем духовнаго и мирскаго чина людей разменялся вопросами и ответами, и что при том говорено и учинено, и кто при том собрании людей были // ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 15. С. 405 и след.) дьякон А. оказался в Петербурге под следствием и был публично казнен за веру в Нижнем Новгороде (см.: Полн. собр. законов Российской империи. Т. 6. Ст. 3522: указ 13 февраля 1720 г.).

Соч.: Смирнов П. С. Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 147—149.

Лит.: Б(ровкович) Александр. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 131—304; Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 622—650; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 119—120, 268—279.

Н. В. Понярко

Александр Мезенец (Стремоухов) (XVII в.) — монах звенигородского Савво-Сторожевского монастыря, выдающийся русский музыкальный теоретик, справщик певческих книг, один из авторов, составитель и редактор трактата «Извещение о согласнейших пометах», автор виршей, книгописец. В научных исследованиях имеется целый ряд сведений о нем, нуждающихся в пересмотре.

А. происходил из новгород-северского дворянского рода Стремоуховых, особенно выдвинувшегося на ратной казачьей службе в ходе отражения нашествий вооруженных отрядов из Речи Посполитой и Крыма в первой половине XVII в. Родился (вероятно, в самом начале столетия) в семье Ивана Стремоухова. Росписи служилых людей по Новгороду-Северскому первой четверти XVII в. действительно упоминают двух или трех человек с таким именем. Время и место пострига А. в монахи не установлено. В своих виршах он отметил «случайность» возникновения его «клиросского прозвания» «Мезенец». Старцем Савво-Сторожевского монастыря А. М. стал не с 1668 г. (Н. Д. Успенский), а значительно раньше: уже во второй половине 1640-х гг., пребывая в этом монастыре, А. М. вместе с другими писцами-клирошанами занимался написанием крюковых сборников. Среди сохранившихся певческих книг монастырской библиотеки обнаружено шесть рукописей, в создании которых он принял участие (ЦГАДА, ф. 381, № 286, 291, 317—319, 324). А. М. обладал изящным полууставным почерком, владел искусством оформления книги. Утвердившееся в научной литературе мнение, что он «изобрел» признаки, которые писались чернилами непосредственно на знаменах и должны были заменить киноварные литерные пометы для облегчения нотопечатания, а также что признаки эти появились не ранее 1668 г., противоречит источникам. Из рукописей Савво-Сторожевского и некоторых других скрипториев видно, что признаки употреблялись писцами и певцами во второй половине 40-х—начале 50-х гг., следовательно, развитие системы признаков и системы помет шло параллельно, это — два самостоятельных пути в совершенствовании древнерусских нотаций. Связывать же признаки только с именем А. М. нельзя, так как они содержатся в рукописях, написанных разными писцами, включая А. М., примерно в одно время.

Об участии А. в деятельности Первой московской комиссии по исправлению раздельноречных певческих книг (1652—1654) можно говорить лишь предположительно, учитывая, что к началу 50-х гг. он являлся прекрасным книгописцем, служил в одном из лучших монастырских хоров, был в курсе новейших достижений искусства и теоретических работ по совершенствованию нотаций, наконец, принимая во внимание хорошую осведомленность А. М. о Первой комиссии, нашедшую отражение в написанном им спустя полтора десятилетия предисловии к трактату. Документального же основания для такого утверждения, широко вошедшего в исследование без какой-либо аргументации, до сих пор не найдено. Сообщение Н. Д. Успенского, что А. М. с 1657 г. стал справщиком Московского Печатного двора, источниками опровергается: почерк росписей за жалованье начавшего служить на Печатном дворе с сентября 1657 г. «старца Александра» отличается от почерка А. М., но аналогичен почерку справщика Александра Шестакова (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 55, л. 333 об.; № 64, л. 4 об.).

Специальная самостоятельная работа А. М. по редактированию раздельноречных певческих книг приходится на время после Первой комиссии, когда русские мастера, по замечанию самого А. М., начали «всяк от себе исправляти на правую речь пение». В середине 60-х гг. мастер занимался этой работой, обосновавшись у князя Ю. С. Урусова, «в дому его славнейшем и благознаменитом». Молодой князь был большим любителем, «тщателем» профессионального пения и, по всей вероятности, решил способствовать исправлению певческих книг, не дожидаясь, когда снова (после Первой комиссии) за дело примутся высшие власти, поэтому А. М. видел в Урусове «новоизбранна в пении прилежателя, добре пекущегося о исправлении, книжного любопытательства рачении». Итогом или одним из итогов редакторской работы А. М. в княжеском доме явился сборник, содержащий основные певческие книги — Ирмологий, Октоих, Обиход, — исправленные «с древних знаменных письменных певчих преводов». Книгу написал сам А. М. и предварил ее виршами, в которые кроме панегирических

строк в честь Урусова и сведений о создании сборника включил автобиографические данные (ГИМ, Синодальное собр., певч., № 728, л. 1—1 об.). Рукопись была закончена в июне 1666 г. Оставив после некоторых разделов росписи латиницей с указанием родовой фамилии, А. М. преподнес сборник князю. Однако уже в 1667 г. Ю. С. Урусов сделал вклад этой книгой в Столбенскую пустынь, очевидно, по случаю канонизации основателя последней Нила (Там же. Вкладная запись на л. 2—22).

В своем предисловии к музыкально-теоретическому трактату «Извещение о согласнейших пометах» А. М. писал, что разрозненная деятельность по исправлению певческих книг мастеров, среди которых были и «малочуенши», привела к тому, что «и во единой церкви не токмо трием или многим, но и двема пети стало согласно невозможно» (Азбука. . . С. 1—2 по пагинации Памятника). По указу царя *Алексея Михайловича* митрополит Сарский и Подонский Павел, возглавлявший Московский Печатный двор, собрал новую, Вторую комиссию, куда включил, не считая А. М., еще пятерых «дидаскалов»: *Александра Печерского, Федора Константинова, Фаддея Никитина*, Григория Носа и Кондрата Ларионова. В составе комиссии А. М. проработал с 8 февраля 1669 г. по 1 мая 1670 г. (см.: П а р ф е н т ь е в Н. П. О деятельности комиссий. . . С. 134—136). Основываясь на древнейших «харательных» певческих рукописях и «новосправленных» непевческих печатных книгах, комиссия произвела окончательную правку раздельноречных текстов песнопений и унификацию нотного материала (в качестве образца был представлен Ирмологий), обсудила и обобщила теоретические вопросы знаменного пения (результаты вошли затем в трактат), предложив для решения проблемы нотопечатания в России ввести во всеобщее употребление признаки. У нас нет оснований утверждать, что А. М. возглавлял эту комиссию, хотя такое мнение бытует в научных трудах. Судя по документам Книгопечатного приказа, А. М. официально никак не выделялся среди других справщиков-дидаскалов, имел равное с ними жалованье. По окончании совместной деятельности мастеров (к маю 1670 г.) А. М. не был зачислен в штат Печатного двора, как, скажем, старец Александр Печерский. По-видимому, имея на руках результаты общих музыкально-теоретических изысканий представителей разных школ, А. М. сразу же приступил к написанию трактата.

Опираясь на хорошо известные певцам после Первой комиссии киноварные пометы, А. М. изложил разработанные дидаскалами теоретические вопросы, включая положения о системе признаков и о взаимозаменяемости ее с системой помет. Трактат начинается предисловием с описанием истории музыкальной реформы и завершается акростихом, из которого следует, что над руководством «трудился Александр Мезенец и прочие» (Азбука. . . С. 23—24 по пагинации Памятника). Но текст предисловия и особенно заключительные вирши правильно связывать только с именем А. М. Имея руководство, мастера-печатники могли начать изготовление наборной «азбуки» крюковых знаков, что вскоре и было выполнено. 11 марта 1671 г. митрополит Павел приказал пожаловать деньгами наборщика Ивана Варфоломеева, «что надзирал у дела знаменные азбуки заводу» и «стою новою знаменною азбукою набрал образец, словолитца Ивана Андреева «за дело новые формы, и пунсонов сталных, и матерц медных, и знамени новые певчие азбуки», а также иных мастеров (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 221, 238; № 69, л. 46). Поскольку в начале 1671 г. набор «новых» (призначных) знамен был готов, то можно полагать, что «Извещение» А. М. написал до 1671 г. Примечательно, что 15 декабря 1670 г. на основании царского указа А. М. наградили 10 р. (Там же. № 68, л. 215 об.); возможно, это было связано с завершением им трактата. Наиболее вероятной датой написания «Известия», таким образом, является не 1668 г. (С. В. Смоленский), а вторая половина 1670 г.

8 января 1673 г. А. М. получил на Печатном дворе 10 р. жалования как «праворечного пения справщик» (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 331).

Очевидно, в 1672 г. он какое-то время выполнял работу Александра Печерского, который должен был надзирать за правильностью печатного воспроизведения нотированных текстов, но с сентября 1674 г. либо из-за преклонного возраста, либо в связи со смертью выбыл из штата. В дальнейшей связи А. М. с Печатным двором не возобновлялась.

В период работы во Второй комиссии и позднее А. М., видимо, жил на подворье Савво-Сторожевского монастыря в Москве; в сохранившихся росписях старцев самого монастыря (с 1672 г.) его имя отсутствует (ЦГАДА, ф. 1199, оп. 1, № 1, л. 21—27, 33—50, 68—78 и др.). Похоже, мастер не стремился к возвращению в свою обитель. Так, в 70-х гг. он собрал и написал «для себя» сборник нотированных стихов покаянных, среди которых привлекает внимание сатирический стих о монастырском житии на 4-й глас: «Вспомянух житие свое клироское. . . / В монастыре убо игумени с иноками, келари и казначей, / Вкупе же подкеларники, и чашники, и соборные старцы / Горделивые, самолюбием вси одержимии, / Сребролюбием обьяшася, и братоненавидением сошлетошася, / И скупостию связашася, и лукавством помрачашася. . .» (ЦГАДА, ф. 188, № 947, л. 170 об.—173). Если стих и не сочинен самим А., то включение его в сборник ясно выразило отношение мастера к предмету, о котором идет речь в произведении.

Живя в 70-х гг. в Москве, А. М. занимался и обучением певческому искусству. Своему ученику (или одному из своих учеников) подьячему Ямского приказа Павлу Черницыну как «красногласовного пения рачителю» мастер «во учении» подарил певческую книгу, сопроводив ее стихотворным «Предмовлением» (июнь 1677 г.). Рукопись эта вопреки утверждениям С. В. Смоленского (см.: Смоленский С. В. О древнерусских певческих нотациях. С. 35—36) написана не почерком А. М.; лишь несколько приплетенных в конце тетрадей выполнено самим дидакалом. Интересно, что вирши вписал на вклеенный в начало рукописи лист также не А. М., но тот человек, который сделал и запись о продаже подьячим книги в 1681 г. дьяку московского Ивановского монастыря П. Г. Серкову. Этим писцом, скорее всего, являлся ученик мастера П. Черницын. Стилистически и композиционно «Предмовление» чрезвычайно близко виршам к сборнику князя Ю. С. Урусова. Здесь есть хвалебные строки о Черницыне, биографические данные об А. М., не противоречащие сказанному в виршах в 1666 г., история дарения книги и появления стихотворения (ГИМ, Синод. певч., № 98, л. 1—1 об.). Представители рода Черницыных, как и Стремоуховых, находясь на ратной, в том числе казачьей, службе, активно участвовали в военных действиях с Речью Посполитой в начале XVII в., что, может быть, и послужило сближению А. М. с его учеником.

Более поздних сведений об А. М. нет. По-видимому, вскоре после обучения в 1677 г. П. Черницына мастера не стало. В. М. Металлов, ссылаясь на статью П. А. Бессонова, называет датой смерти А. М. 30 января 1676 г. (Металлов В. М. К вопросу о комиссиях. . . С. 449). Однако П. А. Бессоновым эта дата указывается в связи с кончиной царя Алексея Михайловича (Бессонов П. А. Знаменательные годы. . . С. 300).

Соч.: Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца (1668-го года) / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 1—24 (пагинация Памятника); В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 201—202; Смоленский С. В. О древнерусских певческих нотациях. СПб., 1901. С. 35—37; П а р ф е н т ь е в Н. П. Выдающийся деятель русской музыкально-книжной культуры XVII в. Александр Мезенец (Стремоухов). В печати.

Лит.: У н д о л ь с к и й В. М. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846. С. 13—14; С а х а р о в И. П. Исследования о русском церковном песнопении. М., 1849. С. 26—33; Б е с с о н о в П. А. 1) Калики переходные. М., 1864. Вып. 6. С. VII—XIV; 2) Знаменательные годы и знаменитейшие представители последних двух веков в истории церковного русского песнопения // ПО. 1872. Вып. 2. С. 290—311; Р а з у м о в с к и й Д. В. Богослужбное пение православной греко-российской

церкви. М., 1886. С. 50; Смоленский С. В. 1) Общий очерк исторического и музыкального значения певческих рукописей Соловецкой библиотеки и «Азбуки певчей» Александра Мезенца. Казань, 1887. С. 9, 14—17; 2) О собрании русских древне-певческих рукописей в московском Синодальном училище церковного пения. — Отд. оттиск из «Русской Музыкальной газеты». 1899. С. 60, 62; Игнатъев А. А. 1) Церковно-правительственные комиссии по исправлению богослужебного пения русской церкви во второй половине XVII в. Казань, 1910. С. 34—46; 2) Богослужебное пение православной русской церкви с конца XVI до начала XVIII в. Казань, 1916. С. 205—207; Металлов В. М. 1) Русская симеография. М., 1912. Табл. СІХ—СХІІІ; 2) К вопросу о комиссиях по исправлению богослужебных певческих книг русской церкви в XVII в. // Богословский вестник. 1912. Вып. 6. С. 448—450; Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972. С. 328—368; Музыкальная эстетика России XI—XVII вв. / Сост. А. И. Рогов. М., 1973. С. 96—102; Успенский Н. Д. Мезенец (в миру — Стремоухов) Александр // Музыкальная энциклопедия. М., 1976. Т. 3. Стб. 493; Парфентьев Н. П. 1) О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ. 1984. М., 1986. С. 128—139; 2) Автографы выдающегося русского музыкального теоретика XVII в. Александра Мезенца (Стремоухова). В печати.

Н. П. Парфентьев

Александр Печерский (в миру Андриан) (ум. в начале 1670-х) — монах, справщик Московского Печатного двора, автор записей «спорных речей» патриарха *Никона* с *Иваном Нероновым*, показаний о переписке Н. А. Зюзина с Никоном, один из соавторов музыкально-теоретического трактата «Извещение о согласнейших пометах».

Сведений о раннем периоде жизни и деятельности А. П. не найдено. Происходил, он, по-видимому, из духовного сословия. В 1640—1641 гг. был назначен попом соборной церкви Рождества Богородицы, «что у государя на Сенях», с окладом «за годовые и причастные сукна» 4 р. В это время А. П. еще не был монахом, носил мирское имя. С 1647—1648 гг. стал протопопом той же придворной церкви (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 536, л. 24—25; № 539, л. 24 об.—25). В период церковных реформ являлся сторонником патриарха Никона. На соборе в июле 1653 г. он записывал «спорные речи» Ивана Неронова с Никоном, причем Неронов укорил его: «Что ты, брате Андрияне, мои речи пишешь-де все? А что вы говорите с патриархом всякие неподобные речи, и тех ни единой речи не пишешь» (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 50). С сентября 1655 г. Никон указал ему, «рождественскому протопопу», «быть у книжного печатного дела» с окладом 40 р. Справщиком Московского Печатного двора он прослужил около года (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 55, л. 72—72 об., 147 об.). Затем удалился из столицы в нижегородский Печерский монастырь, где и принял монашество. Во вкладной книге этого монастыря записан его вклад, возможно, сделанный в связи с постригом: 19 августа 1656 г. «дал вкладу старец Александр, прежде бывший рождественский протопоп, что был у государя на Сенях», ordinarily, ферези с золочеными пуговицами и охабень — все стоимостью 20 р. (Титов А. А. Вкладная книга нижегородского Печерского монастыря // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 24). Уже в начале 1661 г. А. П. снова находился в Москве, поселившись, по всей вероятности, в Чудовом монастыре. По традиции за ним закрепилось прозвище, образованное от названия места пострига — Печерского монастыря в Нижнем Новгороде. Предположение о «западнорусском» происхождении А. П. на основании его прозвища, высказанное К. В. Харламповичем (см.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 455), следовательно, неверно.

С 1 марта 1661 г. теперь уже старцем А. вновь был зачислен в справщики Московского Печатного двора на сей раз с окладом 130 р., с 1663 г. — 40 р. «серебряными деньгами» (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 60, л. 498 об.; № 64, л. 3 об., 94). 19 декабря 1664 г. с него взяты показания о переписке боярина Н. А. Зюзина с оставившим патриаршество Никоном. В своих

письмах с целью примирения царя и патриарха Зюзин добился приезда Никона 18 декабря из Воскресенского монастыря в столицу. А. П. указал, что был «в мире» духовником семьи Зюзина, поэтому боярин и обратился к нему с просьбой сказать, кто бывает у Никона. А. П. «чаял, что то все по указу великого государя», и назвал подьякона Никиту Никитина; тот и отвозил письма Зюзина бывшему патриарху, сам же А. П. ничего «не писывал» (Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1897. С. 190—194). Об этих событиях с упоминанием А. П. поведал и биограф Никона *Иван Шушерин* (Ш у ш е р и н И. Известие о рождении и воспитании и о жизни святейшаго Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1890. С. 47—53), а также рассказал в своей «сказке» *Феодор Константинов* (Дело о патриархе Никоне. С. 178). На Печатном дворе А. П. служил, по-видимому, до 1667 г.: в окладных и расходных книгах Книгопечатного приказа более позднего времени (1667—1668) его имя не встречается (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 68, 71). Здесь он работал вместе с известными справщиками *Арсением Сухановым*, *Арсением Греком*, *Дионисием Греком* и несомненно прекрасно изучил богослужебную книгу. Поэтому, когда встал вопрос о созыве Второй комиссии по исправлению русских певческих книг, в число шести ее «дидаскалов» попал и А. П. — старец Чудова монастыря.

К своей деятельности в комиссии при Московском Печатном дворе он приступил 8 февраля 1669 г. Основной его обязанностью, очевидно, было редактирование литературных (гимнографических) текстов песнопений. Вместе с тем нельзя исключать участие А. П. в составлении теоретического трактата комиссии «Извещение о согласнейших пометах», в заключительном акростихе к которому указано: «Трудился Александер Мезенец и прочий» (Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 23—24 по пагинации Памятника). С прекращением совместной работы членов Второй комиссии к маю 1670 г. А. П. по-прежнему оставался при Печатном дворе. Регулярно получая на «поденной корм» жалованье раз в три—четыре месяца (5.4—7.4 р.) и именуясь «наречного пения справщиком», он прослужил здесь еще более года (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 68, л. 186 об., 213 и др.). Вероятно, А. П. продолжал правку раздельноречных книг и должен был надзирать за правильностью печатного воспроизведения нотированных текстов. В это время он находился скорее всего в преклонном возрасте. Нередко в книгопечатном приказе деньги для него получали другие люди. В последний раз жалованье на него с 1 июня по 1 сентября 1671 г. «взял» книгохранитель Печатного двора Иван Архипов (там же, л. 246). Далее имя А. П. из документов исчезает.

Лит.: Р а з у м о в с к и й Д. В. Богослужебное пение православной греко-российской церкви. М., 1886. С. 50; П а р ф е н т ь е в Н. П. О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ. 1984. М., 1986. С. 134—138.

Н. П. Парфентьев

Алексей (XVII в.) — монах Ярославского Толгского монастыря, составитель Сказания о явлении и чудесах иконы Толгской Богоматери. Возникновение культа богородичной иконы, связанной с основанием Толгского монастыря, относится к XIV в. (1314 г.). Служба явлению иконы Богоматери Толгской приурочена к 8 августа. В Сказании рассказывается, как икона явилась архиепископу Ростовскому Трифону, когда он путником заночевал под Ярославлем, близ моста через Волгу; на этом месте закладывается церковь, а позднее монастырь. В Сказании 27 чудес от иконы с датами от 1392 по 1688 г. Среди исцеленных жители Соловков, Москвы, Ярославля; несколько случаев воскрешения, спасения утопающих, избавления от глухоты, слепоты, пьянства; нетленность иконы

обнаруживается в пожаре. В риторической части Сказания приведены аналогии, свидетельствующие о начитанности автора: упоминается Мария Египетская, перешедшая реку Иордан «немокрыми ногами», Антоний Новгородский, приплывший от Рима «на камени» через «морскую пучину» (см. *жития Марии Египетской, Антония Римлянина*) и др.

Соч.: Служба пресвятой Богородице в честь и память явления чудотворной ее иконы, нарицаемая Толгская. М., 1854.

Лит.: Исторические материалы Толгского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1880. № 35. С. 273—280; К о н д а к о в Н. П. Иконография Богоматери; Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1910. С. 64—65.

О. А. Белоброва

Алексей Михайлович (10 III 1629—29 I 1676) — русский царь с 1645 г., автор нескольких литературных произведений. Период правления А. М. был насыщен различными событиями и важными изменениями в жизни России: расширилась территория государства, оформилось крепостное право (Соборное уложение 1649 г.), Украина была воссоединена с Россией (1654), подавлена Крестьянская война под руководством С. Т. Разина (1670—1671), произошел раскол русской православной церкви. Являясь наследником престола, А. М. получил прекрасное для того времени образование, мало чем отличавшееся от образования среднего русского интеллектуала, которых можно было встретить как среди знати и дворянства, так и среди духовенства и крестьян.

Литературное наследие А. М. многообразно: обширная переписка, оригинальные произведения в прозе и стихах, мемуары, составительская работа и т. д. Особенно ярко литературное мастерство А. М. проявилось в его письмах. Известно свыше ста посланий царя его родным и близким ему людям. Самое раннее относится к 1646 г., а самое позднее написано за год до кончины государя.

Достаточно полно представлена переписка А. М. с *Афанасием Ивановичем Матюшкиным*, думным дворянином, стольником, двоюродным братом и другом детства А. М. 25 писем царя и пять ответных посланий, изданных с большими купюрами ввиду ветхости списков, рисуют картину взаимоотношений этих людей. Оба они увлекались соколиной охотой, тематика которой доминирует в большей части переписки. А. М., в совершенстве зная охотничий чин, наполняет свои письма охотничьими терминами. Иногда царь выходит за рамки официального тона, называя А. И. Матюшкина «братом», поверяет ему интимные стороны дворцовой жизни. Большая часть писем сопровождается собственноручными царскими приписками, а ряд посланий полностью написан царем.

Любопытны письма А. М. патриарху *Никону*. Среди них особое место занимает так называемый «Статейный список», который фактически является мемуарным произведением царя. В 1652 г. после обновления Успенского собора было решено приумножить его святыни перенесением туда останков патриархов *Иова*, *Гермогена* и невинно убиенного митрополита *Филиппа*, за мощами которого Никон отправился в Соловецкий монастырь. В его отсутствие в Москве умер патриарх *Иосиф*. Царь сначала извещает об этом Никона в кратком письме, а затем в большом послании, «Статейном списке», подробно анализирует происшедшие события, достигая при этом редкой для XVII в. степени «самовыявления» (Е. В. Дупечкина). Не исключено, что «Статейный список» был составлен по просьбе самого Никона.

Не меньший интерес представляют два письма А. М. в Казань тамошнему воеводе, ближнему боярину князю *Н. И. Одоевскому*. В первом из них царь рассказывает о принесении в столицу мощей митрополита Филиппа, в другом утешает князя после кончины его старшего сына, комнатного

стольника Михаила. Письма Н. И. Одоевскому свидетельствуют о начитанности А. М. в церковной словесности, в них он приводит целые разделы из житий святых. Замечательно, что сохранились ответы на оба послания, в которых Н. И. Одоевский извещает царя о делах в Казани и благодарит за оказанное ему внимание.

В совершенстве владея эпистолярным канонам, А. М. излагал свои мысли простым и ясным языком, при этом любил пофилософствовать в рамках общепринятой морали и религиозности. Житейская мудрость, широко представленная в письмах, позволяла иногда А. М. вставать над своим положением главы государства, например, когда он утешал А. Л. *Ордина-Нащокина*, узнав об измене его сына Воина, перебежавшего в Польшу.

Наконец, самый значительный и интересный пласт переписки представляют письма царя своему семейству. Подавляющее большинство из них относится к периоду Польского и Ливонского походов А. М. 1646—1656 гг. По характеру содержания все послания походят друг на друга, каждое из них содержит краткий отчет о передвижении русских войск и военных столкновениях. Таким образом, царские письма представляют собой ценнейший источник по истории русско-польской войны. Из приписок, сделанных рукой царя, видна искренняя забота А. М. о своих родных. Обращаясь к своим сестрам, царь пишет: «Да не покиньте, светы мои, жену и детей моих милостию и любовью для Христа, не оскорбите меня и их. Кто у нас по Бозе? Ей, никого нет! А чаю и у вас по Бозе кроме нас нет же. А потом вам, светом моим, челом бью».

Кроме писем А. М. современникам сохранилось также составленное им описание военных походов в Польшу, правда, оно не было доведено до конца. Известны примеры стихотворчества А. М., в одном из стихотворений читается акrostих, что было модно в русской поэзии того времени. По мнению ряда исследователей, А. М. принимал активное участие в составлении таких литературных произведений XVII в., как «*Урядник Сокольничьего пути*», а также новой редакции Сказания об успении Богородицы. Рукопись последнего произведения, сохранившаяся среди бумаг приказа Тайных дел, была тщательно изучена С. А. Белокуровым, что позволило ему определить, сколь велика была степень участия А. М. в работе над ней, и назвать его духовным писателем. А. М. создал два приказа, литературный характер которых очевиден: целью одного из них (Записного приказа) было «записывать степени и грани царственные» начиная с правления Федора Ивановича и до 1657 г.; а во втором (приказе Тайных государевых дел) велись также и «Дневальные записки» — своеобразная хроника частной жизни царя. Исследователи на многих примерах отмечали активное участие А. М. в делопроизводстве московских приказов (часть документов писал сам, другие диктовал, неоднократно их редактировал), чем он разительно выделялся среди правивших до него государей. Уместно упомянуть, что А. М. был заказчиком первых пьес русского театра («*Артаксергово действо*» и др.).

С. Ф. Платонов, характеризуя литературное мастерство А. М., писал: «Он был прекрасно знаком с литературой того времени и до тонкости усвоил себе книжный язык. В серьезных письмах и сочинениях царь любил пускать в ход книжные обороты, употреблять цветистые афоризмы . . . каждый афоризм продуман, из каждой фразы глядит живая мысль». Сам А. М. в духе того времени призывал новгородского митрополита Никона (будущего патриарха) не погнушаться его «рукописанием непутным и несогласным». В отечественной историографии оценка литературного творчества А. М. неоднозначна: все дореволюционные историки (С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.) высоко оценивали его, а историки и литературоведы советского периода почти не обращались к нему, считая его малозначительным. Вопрос этот может решиться только при условии всестороннего изучения письменного наследия А. М., а изучено оно недостаточно полно. Пока можно отметить, что

А. М., имея вкус к литературной работе, очень здраво оценивал свое мастерство, которое, конечно, не идет ни в какое сравнение с творчеством его современника протопопа *Аввакума*, но в то же время является ярким примером письменной культуры России XVII в.

Соч.: Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенев. М., 1856; Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896; Дневальные записки приказа Тайных дел 7165—7183 гг. / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1908. Кн. 1, 2; «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 567—575.

Лит.: М е д о в и к о в П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854; С о л о в ъ е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5—6; Белокуров С. А. 1) О записном приказе («записывати степени и грани царственных» 1657—1659 гг.) // ЧОИДР. 1900. Кн. 3, отд. 2. С. 55—84; 2) Сказание об успении пресв. Богородицы, правленное царем Алексеем // Б е л о к у р о в С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902; РБС (Алексинский—Бестужев-Рюмин). СПб., 1900. С. 23—25; П л а т о н о в С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1901. С. 331—339; Г у р л я н д И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902; Д е р ж а в и н а О. А., Д е м и н А. С., Р о б и н с о н А. Н. Появление театра и драматургии в России XVII в. // Первые пьесы русского театра. М., 1972; Д у ш е ч к и н а Е. В. Царь Алексей Михайлович как писатель: (Постановка проблемы) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки; Становление; Традиции. М., 1978. С. 184—188; Л и х а ч е в Д. С., П а н ч е н к о А. М., П о н ы р к о Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 135—139.

В. К. Зиборов, С. В. Лобачев

Алманзенов Иван Фомин (XVI—первая половина XVII в.) — англичанин, автор статейного списка, переводчик. А. служил в Москве «у государевых дел» с 1580-х гг. до середины XVII в. А. приехал в Россию юношей, видимо, вместе с доктором Робертом Якобом (Романом), лейб-медиком английской королевы Елизаветы I, в качестве толмача. С конца XVI в. до самой смерти А. служил в Москве в Посольском приказе сначала толмачом, а затем переводчиком. Сохранились его челобитные 1589 и 1632 гг. В первой он сообщает о знании русского и иностранных языков и просит назначить ему жалование, а также предоставить поместье. Во второй он пишет о длительности службы в России, о ранениях, полученных в 1591 г., «когда приходил под Москву Крымский царь» (хан Казы-Гирей), и в 1606 г. во время восстания И. И. Болотникова; здесь же он упоминает об участии в обороне Холмогор от польско-шведских интервентов.

Наряду с обязанностями переводчика А. выполнял дипломатические поручения московского правительства: в 1614 г. он был послан гонцом в Вену к австрийскому императору по поводу титула царя *Михаила Федоровича* в связи с его избранием на царство. Миссия гонца оказалась нелегкой, ему пришлось против воли задержаться в Вене до 1617 г. Сохранился Статейный список о посольстве к императору Матвею, в составе которого читаются «памяти», «отпуски»-наказы послам от московских властей, проезжие грамоты («датцкому Хрестьянусу королю», «Саскому князю», в Любек и Гамбург, «в Галанскую землю» и др.). А. и подьячим Первым-Михайловым составлена отписка о задержке в Вене и Праге в 1616 г. Путь посла лежал от Москвы в Архангельск. Дальнейшие события всего 1617 г. описаны в тексте, в котором А. упоминается в 3-м лице (возможно, эти дневниковые записи принадлежат подьячему Первому-Михайлову). В конце статейного списка находятся переводы грамот, полученных А. в Вене и Праге, и «востовой список» о политически важных известиях (о вывозе шведами из Новгорода пушек, о контактах шведского короля с Нидерландами, о приходе татар на Польскую землю, о взаимоотношениях «турского» царя с кизыбашским и т. д.). В 1621 г. А. посетил Данию в составе посольства князя А. М. Львова в связи с попыткой Москвы породниться с датским двором; в 1640 г. уже в преклонном возрасте он был вновь послан в Данию, чтобы собрать сведения о королевиче датском Вальдемаре.

В 1606—1607 гг. по указанию Василия Шуйского А. совместно с дьяком *Михаилом Юрьевым* перевел «Воинскую книгу» Л. Фронспергера (F r o n s -

регер Л. Kriegsbuch. Frankfurt, 1596). Перевод сохранился в двух частях (ч. 1 — рукопись Казанской научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, Отдел рукописной и редкой книги, № 4550; ч. 2 — рукопись ГПБ, F.IX.19); он не издан и не исследован в целом, хотя о нем сообщал еще А. И. Соболевский, сопоставлявший фрагменты 2-й части с текстом «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», в переводе 1621 г. *Онисима Михайлова Радишевского*.

Соч.: Статейный список 1614 г. // ПДС. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 1144—1212.

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 229—230; Соболевский. Переводная литература. С. 103—104, 106; Райнов Т. И. Наука в России XI—XVII вв. М.; Л., 1940. С. 334—349; Волков Л. В. О переводчиках научной литературы // Естественно-научные представления Древней Руси: Сборник статей. М., 1978. С. 148—155.

О. А. Белоброва

Алферьев-Безнин Семен, Романов сын (ок. 1560—ок. 1610) — дворянин, писатель-агиограф. Происходил из захудалого боярского рода. Отец А.-Б. Роман Васильевич Алферьев-Напокин (кстати, неграмотный) в конце царствования *Ивана Грозного* был печатником и думным дворянином, мать приходилась сестрой опричникам П. Г. и Б. Г. Совиным (см.: Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 50, 51, 74). Упоминается в источниках с осени 1580 г., когда участвовал в церемонии царской свадьбы (ДРВ. М., 1790. Ч. 13. С. 114). В 1581 г. являлся «дворовым» жильцом, годом позже значится в списке дворовых, приказных, служилых людей (см.: Сторожов В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 60). Вероятно, входил в состав опричного двора в конце его существования. С 1584—1585 гг. «п даче» владел поместьем в Козельском уезде (см.: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе / Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1911. С. 79) и в боярских списках значился выборным дворянином по Козельску. А.-Б. принадлежали также обширные поместья в Вяземском и Старицком, а совместно с братом Василием — в Московском и Звенигородском уездах, причем они совершили обмен землями с правителем *Борисом Годуновым* (см.: Голоховастов Д. П. Акты, относящиеся до рода дворян Голоховастовых. М., 1848. С. 78—80; ср. с. 82, 83). В 1590—1592 гг. в качестве письменного головы принимал участие в походах против шведов (ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, л. 742, 785 об.; Q. IV. 103, л. 708; ГПБ, собр. Горского, № 16, л. 291). В 1590—1597 гг. был приставом у иранских, грузинских, австрийских, турецких дипломатов, прибывших в Россию. Участвовал в деятельности Земского собора, избравшего Годунова на трон, и подписался под *Грамотой утвержденной об избрании на царство Бориса Годунова* 1599 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 50). В 1596—1598 гг. был воеводой в Монастыревском, в 1599—1600 гг. в Цареве-Борисове, который «ставил» вместе с Б. Я. Бельским. Неоднократно затевал местные споры, и небезуспешно (см.: Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. С. 169, 173, 209; ср. с. 173—174; БАН, 32.12.18, л. 510 об., 523 об., 540—540 об.; ГПБ, Эрмитажное собр., № 441, л. 87 об.; ЛОИИ, к. 238, оп. 1, № 518, л. 490, 493 об.—494 и др.). Из челобитной брата А.-Б. Василия (1611) известно, что, «розъяряся без милости», царь Борис отобрал у них верейскую вотчину, дав взамен пустоши в Звенигородском уезде и 300 р. (Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб, 1851. Т. 4. С. 405—406). Летом 1605 г. А.-Б. сопровождал бывшего «великого князя» Симеона Бекбулатовича, вызванного ко двору Самозванца. В 1607 г. участвовал в неудачном для царских войск сражении на Пчельне (см.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 333) и — «у государева знамени» — в походах на Алексин (где был на время оставлен), а также на Тулу. Умер

бездетным до 24 ноября 1610 г., когда выслуженные поместья А.-Б. по «листу» Сигизмунда III были переданы его родственникам, или даже до 20 сентября того же года, когда ранее принадлежавшее ему вяземское поместье отобрали у подьячего Ф. Пахомова и по распоряжению польского короля отдали дьякам С. Дмитриеву и А. Царевскому (БАН, собр. Строганова, № 23, ч. 3, л. 2; Акты. . . Т. 4. С. 348, 384); не значится А.-Б. и в боярском списке 1610—1611 гг. Имя его внесено в синодик Чудова монастыря (ГПБ, F.IV.194, л. 94 об.).

Известные произведения А.-Б. написаны в соавторстве с иноком Троицкого Давилова монастыря в Переславле-Залесском *Сергием* (В. О. Ключевский не прочь отождествить его со старцем Сергием, который в 1579—1586 гг. был архимандритом этой обители).

Перу А.-Б. и Сергия принадлежит служба святому Даниилу Александровичу, первому московскому князю, написанная по поручению патриарха *Иова*. Впрочем, есть мнение, что эта служба относится к концу XVII в., ибо содержит упоминания о «наших благоверных царях», правящих страной (Амфилохий, М. А. Салмина; приведенный вывод не отвергал и Н. П. Барсуков). Но в конце службы Даниилу Александровичу сказано, что она составлена «тщанием и труды» А.-Б. и Сергия. Вероятно, указания на ныне царствующих православных государей были внесены в текст службы позднейшим редактором.

Служба Даниилу Александровичу составлена по традиционной схеме и с использованием обычных для таких сочинений художественных средств. Но наряду с устойчивыми литературными формами здесь встречаем образы, ранее не пользовавшиеся широкой популярностью: например, представленный в разных вариантах образ света (святой именуется светлым светильником, светильником света, сравнивается со «светолучным» солнцем, «пресветлой» звездой). Порой авторы службы рифмуют глаголы: ритмическая проза должна была усилить эмоциональное воздействие произведения.

Согласно позднему легендарному жизнеописанию угличского князя Романа Владимировича (см.: *Житие Романа Угличского*), «тщанием и труды» А.-Б. и Сергия были «сотворены стихиры и каноны», а также первое житие (с изложением «чудес») этого святого, погибшее при разорении Углича в Смутное время (Повесть о чудесах св. благоверного князя Романа, Угличского чудотворца. Ярославль, 1874. С. 21); по-видимому, тогда была утрачена и служба Роману Владимировичу. Его «чудотворения», по сообщению неизвестного агиографа, начались 3 февраля 1605 г. (в источниках и литературе иногда указываются ошибочные даты — 1595, 1597 гг.), и вскоре для освидетельствования мощей и «чудес» новоявленного святого в Углич прибыла комиссия во главе с казанским митрополитом Гермогеном. Ее «отписка . . . с Углича» адресована уже Лжедмитрию I (см.: *Опись архива Посольского приказа 1626 года*. М., 1977. Ч. 1. С. 318—319), поэтому можно думать, что житие Романа и служба ему были написаны накануне или в начале царствования Самозванца, тем более что до 1 сентября 1605 г. А.-Б. являлся приставом у Симеона Бекбулатовича.

Соч.: Амфилохий. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Данииле Александровиче. М., 1875. С. 20—38.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 316—318; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 145—146, 466—467; Савелов Л. М. Родословные записи. М., 1906. Вып. 1. С. 47; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 153—193.

Я. Г. Солодкин

Андрей Савинов Пос[т]ников (вторая половина XVII в.) — царский духовник, переводчик и книгописец. С 1660 г. А. С. был священником

в Замоскворечье, с 1666 г. стал протопопом московского Благовещенского собора в Кремле и духовником царя *Алексея Михайловича* до самой его смерти (1676 г.) А. С. был образованным человеком, он составил или перевел в 1673—1674 гг. сочинение об Италии историко-географического характера (собр. Баузе, № 292). В 1671 г. переписал «Космографию» Мартина Бельского в русском переводе (собр. Баузе, № 281); в 1673 г. его «тщанием и снисканием» была переписана рукопись, содержащая «Изложение на лютеры» (ГПБ, собр. ПДА, № 79); им также переписаны Толковая Псалтирь, Толкование Олимпиодора на книгу Иова и др. Под присмотром А. С. около 1677 г. был завершен перевод сборника «*Великое Зерцало*» с польского оригинала. По заказу А. С. было украшено напрестольное евангелие (Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы: Словарь. М., 1910. Т. 2. С. 51). А. С. поддерживал дружеские отношения с патриархом *Никоном*. Он крестил Петра I и царевну Наталью Алексеевну. Жил А. С. на широкую ногу, с большим размахом вел строительство каменной церкви Григория Неокесарийского, при которой устроил семейную усыпальницу. Невзлюбивший его патриарх *Иоаким* в отсутствие царя посадил А. С. на цепь за его «протопопово неустовство» (однако через сутки освободил, следуя царской воле). После смерти Алексея Михайловича Иоаким лишил А. С. священства, предал его анафеме и сослал в Кожеезерский монастырь, где тот, по-видимому, и умер. Переводы А. С. не изданы.

Лит.: К а р а з и н В. Каталог славяно-русским рукописям (погибшим в 1812 г.) профессора Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2: Смесь. С. 68, 69; Л е о н и д, архимандрит. Духовники великих князей и царей московских всея России // Там же. 1876. Кн. 1: Смесь. С. 218—219; Ш л я п к и н И. А. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 142; Б е л я е в М. Исторические сведения о московской замоскворецкого сорока Григорие-Неокесарийской при Полянке церкви. М., 1894. С. 32—34, 62—67; И з в е к о в Н. Д. Духовник царя Алексея Михайловича протопоп Андрей Савинович Постников // Христ. чт. 1902. Т. 213, ч. 1. С. 126—139; Н и к о л ь с к и й. Рукописная книжность. С. 55; Д е р ж а в и н а О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 5, 29; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 177, 178, 180, 184; М о и с е е в а Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 338, 341.

О. А. Белоброва

Антоний (вторая половина XVII в.) — архимандрит Муромского Спасского монастыря (с 1658 по 1662 гг.; см. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 677), автор сочинений против никонианского исправления книг. Будучи в заключении и лишенный священнического сана, подал челобитную царю *Алексею Михайловичу*, в которой обличал исправление текстов богослужебных книг вообще и символа веры в частности. По содержанию челобитной видно, что она написана не в монастырском заточении. А. просил царя: «Уж ли, государь, обители такой не стало, где меня, бедного, смирить и душу мою от грех освободить?». Из содержания челобитной следует, что А. приписывалась со стороны властей некая «подметная челобитная», писанная якобы одной рукой с «бунтовым листом». Оправдываясь в непричастности к этой челобитной, А. писал: «. . . как был на Москве бунт. а я, нищий, в то лето от светлыя недели до сырныя на Москве не был. Посылан был из Чудова монастыря на низ. А была со мною посылана монастырская казна для покуцки, тысяча рублей». Как оказался А. связан с Чудовым монастырем и о каком бунте идет речь, неизвестно. Накануне собора 1666 г. А. находился в Рождественском монастыре г. Владимира, где в апреле 1666 г. дал показание архимандриту этого монастыря Филарету о том, что придерживается новоправленных текстов и обрядов. До Рождественского монастыря А. сидел в Москве «за караулом на Мстиславском дворе». Возможно, оттуда он и послал челобитную царю. Сохранилось письмо А.

к боярыне *Феодосии Морозовой*, посланное также из заключения, с благодарностью за присланную милостыню.

На соборе 1666 г. А. принес раскаяние за «челобитную великому государю, и тетради, и которыя писма моя рука ни есть» (у него было сочинение о сложении перстов для крестного знаменья), не был предан анафеме, но «ради совершеннаго исправления» послан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Соч: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 451—457; 1886. Т. 8. С. XII, 113—130.

Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 117.

Н. В. Понырко

Арсений (в миру Антон Суханов) (конец XVI — первая четверть XVII в.—14 VIII 1668) — монах, церковный деятель и дипломат, книжник, автор «Прений с греками о вере», «Проскинитария», записки «О чинах греческих вкратце» и др. Биография и литературное наследие А. детально исследованы С. А. Белокуровым. А. родился, вероятно, в Соловском уезде, где его отец Путило Елизарьев Суханов владел деревней, но в 1622 г. был уже разорен и «волочился меж двор на Туле». Младший брат А. в 1631—1647 гг. служил толмачом татарского языка в Посольском приказе, там же с 1666 г. служил его племянник Юрий Суханов. Таким образом, А — представитель семьи служилых дворян. Разорение семьи предопределило его уход в Коломенский Голутвин монастырь где он до пострижения занимал должность дьячка; постригшись, был посвящен в дьяконы.

В 1633 г. А. служит в Москве в должности архидьякона при патриархе *Филарете*, исполняя обязанности его личного секретаря и хранителя патриаршей ризной казны. После смерти Филарета в 1634 г. оставляет это место и поселяется в Чудовом монастыре, находящемся на территории Кремля. В должности архидьякона А. присутствует на приемах иностранных послов и участвует в соборах. Эти обстоятельства, а также его личные способности определили приобщение А. к политической и дипломатической деятельности. Более десяти лет его жизни прошли в путешествиях, во время которых он выполнял как церковные задания патриархов — сначала *Иоасафа*, *Иосифа*, а затем *Никона*, — так и политические поручения правительства.

В 1637—1640 гг. А. — участник посольства в Грузию, возглавляемого князем *Федором Федоровичем Волконским-Шеридой*; во главе духовных лиц посольства стоял архимандрит Иосиф. Посольство решало вопрос о подданстве кахетинского царя Теймураза Московскому государству, а духовные лица собирали сведения о Грузии и ее церковной жизни. Результаты посольства были изложены в статейном списке, в составлении которого, возможно, принимал участие и А. (ЦГАДА, ф. 110: Сношения с Грузией, оп. 1, д. 3: 1635—1641 гг.; д. 4: 1637—1640 гг.) Между 1642 и 1645 гг. А. был посвящен в иеромонахи и назначен на почетную должность строителя Богоявленского монастыря, расположенного вблизи Кремля и приписанного к Троице-Сергиевой лавре.

В 1649 г. А. вместе с иерусалимским патриархом Паисием отправляется на Восток, в Иерусалим. Однако государственные дела, а именно переговоры с Богданом Хмельницким о присоединении Украины и хлопоты о выдаче самозванца *Тимофея Анкундинова*, заставили его в 1650 г. прервать поездку и вернуться в Москву. В эти же годы А. посетил Молдавию и Валахию, где в Терговицах состоялся его диспут по богословским, обрядовым, историко-хронологическим вопросам с находившимся там иерусалимским патриархом Паисием, митрополитом Власием и другими церковными лицами — греками. Отчет об этой поездке был подан статейным списком в Посольский приказ, а диспут описан в «Прениях с греками о вере».

В 1651—1653 гг. А. продолжил путешествие на Восток; целью поездки было знакомство с греческим богослужением, отличающимся от принятого в то время на Руси. Путешествие подробно описано А. в сочинении, названном «Проскинитарий» (*греч.* *προσκυνητής* — поклонник). По дороге в Иерусалим А. посетил Константинополь, острова Средиземного моря, Египет — Александрию и Каир. Путешествие было опасным, так как посол в монашеском платье двигался по землям, находящимся под властью турок. В Килии во время осмотра турецкой стражей корабля А. вынужден был надеть чалму и выдать себя за мусульманина, чтобы избежать репрессий и конфискации имущества.

В 1653—1655 гг. А. по поручению Никона, готовящего исправление богослужебных книг, едет на Афон для покупки греческих и славянских рукописей и книг. В разных монастырях Афона А. отобрал и отослал в Москву около 500 рукописей. Из них 48 уже в 1658 г. были взяты на Печатный двор для справок. Некоторые книги учебного характера предназначались для греко-латинской школы, открытой в Москве в 1653 г. *Арсением Греком*. Поездка А. на Афон была последним его путешествием. В биографии Никона, написанной *Иваном Шустерным*, упоминается о том, что А. в 1657 г. привез патриарху модель Иерусалимского храма Воскресения господня, послужившую образцом для постройки Воскресенского храма в Новом Иерусалиме под Москвой. Однако Белокуров не нашел никаких других сведений об этой поездке А. Возможно, модели Воскресенского и других иерусалимских храмов были доставлены в Москву кем-то другим. В то же время в «Проскинитарии» дано такое точное и подробное описание палестинских святынь с обозначением их размеров, что оно могло удовлетворить строителей Воскресенского Новоиерусалимского собора.

С 1655 по 1660 г. А. занимает должность келаря Троице-Сергиевой лавры. С 1661 по 1664 г. он живет в Москве, в Богоявленском монастыре и заведует Московским Печатным двором, где в это время идет интенсивная работа по изданию книг, исправленных по новым переводам. В 1664 г. А. оставляет эту должность и доживает свой век на покое в Троице-Сергиевой лавре, где он умер и был похоронен близ Серапионовой часовни.

Литературное наследие А. представлено деловыми и публицистическими памятниками. В «Прениях с греками о вере», явившихся, возможно, ответом на «Книгу о вере», А. отстаивает чистоту русского православия и его обрядов — двуперстия, сугубой аллилуйи, крещения посредством погружения и прочего и едва ли не объявляет современных ему греков еретиками. Эта точка зрения не нашла поддержки правительства, поэтому в «Проскинитарии» А. не высказывает своих взглядов столь открыто, ограничившись, казалось бы, бесстрастным изложением событий путешествия и описанием святынь. Это дало повод некоторым исследователям предположить, что А. не является автором «Прений», а другим — говорить об изменении его взглядов. Однако при более пристальном рассмотрении «Проскинитария» все же очевидно отрицательное отношение А. к представителям восточной православной церкви в Палестине, которых он упрекает в небрежном хранении иерусалимских церквей, в нарушении поста. Осуждение отразилось и в той тщательности, с которой А. отмечал отличия русского богослужения от греческого. Со скрытой враждебностью относился А. и к иерусалимскому патриарху Паисию, которого он подозревал в интригах и участии в убийстве константинопольского патриарха Парфения. То что А. не менял своих взглядов, подтверждает и написанная им в Москве в 1655 г. записка «О чинах греческих вкратце».

«Прения» и некоторые места «Проскинитария» как нельзя более отвечали воззрениям старообрядцев и были использованы в их сочинениях (например, в «Поморских ответах»). Однако сам А. не примкнул к приверженцам старой веры. Служебная карьера его, казалось бы, шла вразрез с его религиозно-догматическими взглядами: он стал сподвижником патриарха Никона, а после удаления последнего способствовал проведению

реформы, возглавляя дело по исправлению книг. По-видимому, обрядовая сторона не играла для А. решающей роли. Его интересы были шире. Важно, что А. был образованным книжником. Еще в Коломенском Голутвином монастыре он занимался перепиской книг (известно написанное им «Старчество» — ГБЛ, собр. ОИДР, № 250). Будучи архидьяконом, он покупал рукописи и заказывал их писцам: в его библиотеке были рукописи XV—XVII вв. — патерики, сочинения отцов церкви, четыре сборники. Он знал греческий и латинский языки. В «Проскинитарии», описывая монастырскую библиотеку, где «книг греческих, латинских, словенских, печатных и письменных, и всяких премудрых философских без числа много, драгоценных книг». Рукописи, купленные им в афонских монастырях, свидетельствуют о его энциклопедических интересах. Среди отобранных им книг самые разнообразные сочинения античности и средневековья: «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Труды и дни» Гесиода, идиллии Феокрита, трагедии Софокла и Эсхила, драмы Эврипида и комедии Аристофана, басни и жизнеописание Эзопа, речи Демосфена и Эсхина, философские труды Аристотеля и Платона, исторические сочинения Иосифа Флавия и хронографы, географии Страбона и Павсания, трактат по медицине Диоскорида, рукописи по астрономии, грамматике, лексиконы и пр.

А. было присуще активное отношение к книге, о чем свидетельствуют собственноручные записи и примечания, сделанные на полях принадлежащих ему книг (см., например, рукопись ГПБ, F.XVII.17). Возможно, если бы А. не провел большую часть своей жизни в путешествиях, он примкнул бы к какой-либо поэтической школе, так как версификаторство было ему не чуждо: получив в 1655 г. назначение в келари Троице-Сергиевой лавры, он пишет на одной из рукописей благодарственные вирши Никону, заканчивающиеся словами: «Тыя, российский патриарх, мира победитель Никон с миром возводит в премирну обитель» (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 189, л. 395). Занимался А. и переводами — известен текст переведенного им с греческого «Проречения над гробом Константина Великого». Кроме того, перу А. принадлежит большое количество чисто деловых документов — грамот, челобитных, отписок, которые он подавал царю, в Посольский приказ, в патриаршую канцелярию.

Статейный список, поданный А. в Посольский приказ в 1650 г., подробно описывает путешествие с 10 мая 1649 г. по 8 декабря 1650 г. Он издан Белокуровым по двум спискам, один из которых хранился в Посольском приказе (ЦГАДА, ф. 52: Сношения России с Грецией, оп. 1, стб. 7157 г., № 8). Написанные в результате этой же поездки «Прения с гречами о вере» встречаются в нескольких десятках списков, но нигде не носят этого названия; так как все сочинения А. объединены в общих сборниках, то «Прения» обозначены либо как «Проскинитарий», либо как Статейный список, а подчас вообще не имеют заглавия и сразу начинаются с даты: «158-го марта в 30 день, едучи с Москвы живоначальные Троицы Сергиева монастыря старец Арсений Суханов. . .». В основу публикации «Прений» Белокуров положил авторский список, поданный А. в Посольский приказ, восемнадцать других списков учтены в разночтениях. Этот текст можно считать первой редакцией, списки которой по характеру разночтений Белокуров разделил на три вида (см.: Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. Ч. 2. С. XXI—XXVII). Вторая редакция «Прений» создана в среде старообрядцев и характеризуется дополнениями, размещенными по всему тексту. По составу этих дополнений вторая редакция делится на три вида (Белокуров называет их редакциями) — Соловецкий середины XVII в., Московский 1665 г. и Московский, возникший до 1665 г. (Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. Ч. 2. С. XXXVII—LXIV).

В «Проскинитарии» А. описан второй этап его путешествия на восток — 1651—1653 гг. По определению Белокурова «Проскинитарий» имеет две редакции. Подробная редакция представлена всего одним неисправным

списком (ГПБ, собр. СПб. ДА, № 317, XVII в.). Несколько десятков остальных списков относятся к сокращенной редакции, два из них (ГИМ, Синодальное собр., № 574 и 575 — см.: В и к т о р о в А. Е. Алфавитный указатель славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1858. С. 5—6) — с пометами А. Возможно, что список № 575, украшенный заставкой с золотом, был подан патриарху Никону (см.: Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. Ч. 1. С. СXXXVIII—CXLVIII). Эти списки легли в основу издания Н. И. Ивановского 1889 г. По мнению Белокурова, обе редакции авторские, причем более полная, подробная редакция — первоначальная, она предназначалась патриарху Иосифу, умершему в 1652 г. во время путешествия А.; сокращенная же редакция была составлена уже в Москве для патриарха Никона летом 1653 г. Согласно духу времени из нее были исключены отзывы о греках. «Проскинитарий» состоит из трех частей. Первая — Статейный список, продолжающий Статейный список 1649—1650 гг. Вторая часть озаглавлена: «Собрано от писаний о граде Иерусалиме, и о имени его, откуда прият таково прозвание, и о горе Голгофе, и о гробе Христове, и о воскресении, и о церкви Воскресения Христова, и о мерах их, и о прочих святых местах известное написание» (или короче: «О граде Ерусалиме и о еже внутрь и окрест его святых местах»). Третья часть — «Тактикон, еже есть Чиновник, како греки церковный чин и пение содержат».

После 1653 г. А. была составлена записка «О чинах греческих вкратце», использующая текст «Проскинитария». Она заменяет обширный «Проскинитарий», является дополнением к «Прениям» и распространена в большом количестве списков. Записка существует в двух редакциях. Первая редакция представляет собой приложение к «Прениям» и переписывается в рукописях вместе с ними. Эта редакция подразделяется на две группы, одна из которых — древнейшая, а другая исправлена и дополнена старобрядцами, в то же время текст ее сильно сокращен. Вторая редакция встречается значительно реже. Это самостоятельное литературное произведение, имеющее собственное заглавие, введение, послесловие. Ее текстуальные дополнения совпадают с Соловецким видом второй редакции «Прений».

Произведения А. стоят на грани деловой письменности и публицистики: «Прения» относятся к жанру полемической публицистики; «Проскинитарий» — записки путешественника, близкие по своей литературной манере как к «хожениям», так и к статейным спискам, но также с чертами публицистики; записка «О чинах» — публицистический трактат. В сочинениях А. в лаконичной вопросно-ответной форме изложены беседы на обрядово-богословские темы, которые он вел в Терговицах и Иерусалиме. Большое место в его писаниях занимают наблюдения русского путешественника, осматривающего новые города, обращающего особое внимание на их военные укрепления; привлекают его достопримечательности — египетские пирамиды под Каиром, обелиски с иероглифами в Александрии и среди них столп, поставленный, по преданию, над гробом Александра Македонского; попутно сообщаются легенды, связанные с тем или другим местом.

Соч.: «Статейный список 1649—1650 гг.», «Прения с греками о вере», «О чинах греческих вкратце», челобитные, отписки и проч. // Христ. чт. 1883. Ч. 2. Июль—декабрь. С. 670—738; Проскинитарий Арсения Суханова // ППС. СПб., 1889. Т. 7, вып. 3 (21). С. 1—359; Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1 (ЧОИДР. 1891. Кн. 1—2); 1894. Ч. 2 (ЧОИДР. 1894. Кн. 2).

Лит.: Служебник. М., 1655. Предисловие. Л. 30—34; С л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1861. Т. 11. С. 284—285, 468, примеч. 65; Б е л о к у р о в С. А. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637—1640) // Христ. чт. 1884. Март—апрель. С. 443—488; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1891. Январь—февраль. С. 171—174; Июль—август. С. 181—185; М е л ь н и к о в Ф. Е. Свидетельство Арсения Суханова о крещении греков. М., 1913; Ш е н г и н М. XII том русских рукописей из «Каталога астрологических рукописей»: Автореферат // Вестник древней истории. М., 1939. № 1 (6).

С. 181—185; А л ь ш и ц Д. Н. Египет глазами русского путешественника // Звезда. 1958. № 8. С. 183—185; С л у х о в с к и й М. Н. Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968. С. 119—122; Л у п п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 126, 174—177; К а г а н - Т а р к о в с к а я М. Д. Младшие редакции «Повести о двух посольствах» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 302; Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 68—103; К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 274—278; Б о г д а н о в А. П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей 1989. М., 1989. С. 175—205.

М. Д. Каган

Арсений Грек (ок. 1610—после 1666) — иеромонах, учитель риторики, переводчик. Родился в Солуни; образование получил в Венеции и Риме, завершив его в Падуанском университете, где изучал философию и медицину. Вернувшись в Грецию, в 23 года принял монашество, после чего жил при дворах правителей Молдавии, Валахии, Польши. В 1649 г. в Киеве встретился с иерусалимским патриархом Паисием и в его свите приехал в Москву. Остался в Москве учителем риторики, но преподавал недолго (были два ученика), так как патриарх Паисий на пути из Москвы прислал письмо, где сообщал об А. Г.: «. . . прежде был иноком и священником, и сделался бусурманом, потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, способен на всякое злое безделие». За «многие ереси» был сослан в Соловецкий монастырь, где пробыл до 1652 г., когда патриарх *Никон* вызвал его в Москву и поставил во главе греко-латинской школы (в Кремле, «близ патриаршего двора»), которая была прообразом Славяно-греко-латинской академии, хотя просуществовала недолго. В 1654 г. стал справщиком Московского Печатного двора, возглавив дело по исправлению книг. После падения патриарха *Никона* занимался описанием патриаршей библиотеки и переводами книг. В 1662 г. против А. Г. снова завели дело в приказе Тайных дел (причина неясна), и в следующем году он опять оказался в Соловецком монастыре. Последнее известие об А. Г. относится к 1666 г., когда по распоряжению *Алексея Михайловича* его освободили. Претворявший в жизнь идеи никоновской книжной «справы», А. Г. стал одиозной фигурой в глазах старообрядцев, которые отзывались о нем в очень резкой форме («исполнен скверны и смрада езувитских ересей»).

Наиболее значительной была деятельность А. Г. как переводчика. Попав в Москву, он не знал русского языка, о чем говорят его подписи в следственном деле 1649 г., сделанная по-гречески, и присутствие на допросах переводчика. За время пребывания в Соловецком монастыре А. Г. достаточно полно усвоил русский язык. Первые его переводы с греческого появились в книге «Скрижаль», опубликованной в Москве в 1655—1656 гг. Эта книга представляет собой сборник произведений древнерусской и греческой литератур, а также различных документов, которые объясняли и утверждали нововведения патриарха *Никона* в церковную жизнь православной России. В «Скрижали» А. Г. бесспорно принадлежат переводы следующих произведений: «Предзрение главизное на едину куюждо бываемых скрижалей и таинств в божественном священнодействии, собранное от Иоанна иереа Нафанаила» (компиляция из сочинений *Николая Кавасила* и других произведений), «Дамаскина монаха, иподиакона и студита слово в поклонение честнаго и животворящаго креста» (перевод из сборника произведений писателя XVI в. *Дамаскина Студита*), «*Николаа священнаго Малакса протопопа Наиплийскаго о знаменовании соединяемых перстов. . .*» (перевод из греческого Ирмология). В 1656 г. А. Г. сделал новый перевод *Требника*, дополненный новыми церковными чинопочитаниями. В 1660 г. вышла в свет книга «*Анфологион, си есть Цветословие: страдалчества и мучения святых великомученицы Екктерины, и святаго великомученика Феодора Стратилата, и житие святаго и преподобнаго Алексия*

человека Божия, вкупе избранныя и полезныя главизны и учительныя слова от духоносных и премудрых учителей церковных. . .». В этой книге, цель которой была подобна цели издания «Скрижали», помещено предисловие, где сообщается о переводах, принадлежащих перу А. Г. («переведена суть и исследована с еллиногреческаго языка на славенский монахом Арсением Греком»); к ним относятся произведения, перечисленные в заглавии, а также с ними «вкупе и четверострочия Григория Богослова с главизнами Максима Исповедника о любви». «Житию Алексея человека божия» в составе «Анфологиона» посвящена специальная работа В. П. Адриановой, где подробно исследован вопрос об истории текста этого произведения и его перевода. А. Г. перевел его из сборника житий, написанного Агасием Критским и впервые изданного в Венеции в 1644 г. (из заглавия этого сборника А. Г. взял и название для своего сборника); «Житие» в переводе А. Г. с 1660 г. помещалось в печатных Прологах; перевод его был известен в болгарских списках, а также отразился в сербском духовном стихотворении о св. Алексее. По отношению к другим произведениям, помещенным в «Анфологионе», предполагается активная редакторская работа А. Г. Начиная с издания 1662 г. в Прологах печаталось *Житие Феодора Стратилата* в его переводе. Наибольшую популярность у русских читателей имел перевод Хроники Псевдо-Дорофея Монемвасийского, выполненный в основном А. Г. при участии архимандрита Святогорского монастыря *Дионисия Грека* в 1665 г. В Хронике излагается всемирная история, в то же время в ней подробно рассказывается об учреждении патриаршества в России. Перевод Хроники готовился по нескольким спискам, но издание осуществлено не было. Сохранились авторские экземпляры рукописей с корректорской и редакторской правкой (ГИМ, Синодальное собр., № 343; ГПБ, F.IV.574). А. Г. переводил в основном с книг XVI—XVII вв., изданных в Венеции на новогреческом языке (А. И. Соболевский, В. П. Адрианова). Для переводов А. Г. характерны дословность и буквальность в передаче текста, приводившие иногда к потере смысла фразы; многие специальные термины он транслитерировал. Буквальность перевода особенно видна при передаче сложных слов, когда А. Г. создавал искусственные выражения, например: «неначаемое», «плачевословие», «лженевестная» и др. А. И. Соболевский невысоко оценивал переводческое мастерство А. Г., отзываясь о нем следующим образом: «Арсений Грек, хотя много переводивший, но до конца жизни плохо владевший церковно-славянским языком и писавший на нем неправильно . . . не мог дать удовлетворительных переводов». Другие исследователи считают, что его переводы соответствовали нормам церковно-славянского языка.

Соч.: Скрижаль. М., 1655—1656; Анфологион. М., 1660.

Лит.: Е в г е н и й. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 48—50; Арсений Грек при патриархе Никоне // ПС. 1858. Ч. 3. С. 328—353; К а п т е р с в Н. Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // ЧОЛДП. 1881. Июль. С. 70—96; К о л о с о в В. Старец Арсений Грек // ЖМНП. 1881. Сентябрь. С. 77—93; Б е л о к у р о в С. Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве в XVII в. М., 1888; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 289, 296, 310, 326, 327, 333, 338, 342, 345, 356, 365; Ш л я к и н Н. Грамота об Арсении Греке 1651 г. // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Ч. 2, разд. «Статьи и сообщения». С. 63—64; А д р и а н о в а В. П. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 107—114; Л е б е д е в а И. П. 1) Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 302—305; 2) Греческие и русские списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях БАН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. М.; Л., 1966. С. 20—37; 3) Поздние греческие хроники: (Историко-культурное значение и переводы). Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1967; Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 108—110, 112—125, 164—166, 177—186; С а з о н о в а Л. И. Повесть об Алексее Римском в третьем—пятом изданиях Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660—1670 годов // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978.

С. 99—106; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 132—139, 314, 315, 327—329; Румянцев В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 94, 102, 113, 115.

В. К. Зиборов

Архинов Федор (XVII в.) — толмач Посольского приказа, участник московского посольства в Англии в 1645—1646 гг., возглавленного Г. С. Дохтуровым, составитель статьи «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли». Статья А., обнаруженная в Солигаличском сборнике XVIII в., представляет собой записи очевидца, облеченные в форму похвалы, в которой сообщается о теплом климате Англии («Зимы нет . . . снегу николи не бывает»), об архитектуре каменной и деревянной, о вымощенных камнем улицах, об оживленной торговле, о зверинце, о церковном колокольном звоне, об изобилии храмов («больше 300»), обозначенных словом «черни» (от church), о приютах («двор для бедных людей»), о приветливости жителей («люди у них добре ласковы во всей земли, любительны. . .»). Ценность этого описания, сделанного еще до лондонского пожара 1666 г., бесспорна. Принадлежность «Росписи» А. доказал ее публикатор З. И. Рогинский.

Соч.: Рогинский З. И. Лондон 1645—1646 годов: Новые источники о поездке гонца Г. С. Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960. С. 10—15.

Лит.: Алексеев М. П. Русско-английские связи (XVIII—1-я половина XIX в.). М., 1982. С. 52—56 (ЛН. Т. 91).

О. А. Белоброва

Афанасий (в миру Алексей Артемьевич Любимов) (1641—6 IX 1702) — первый архиепископ Холмогорский и Важеский, автор нескольких литературных сочинений и посланий, один из просвещенных и деятельных людей своего времени, знал латинский и греческий языки. Его интересы простирались на многие области человеческого знания: астрономию, медицину, архитектуру, географию. А. имел большую по тем временам библиотеку, включавшую рукописные и печатные книги, в том числе и иностранных языках. Убежденный грекофил, традиционалист в сфере религии, а также многих сторон русского быта, А. в то же время был открыт многим новым веяниям времени, сочувственно относился к петровским преобразованиям, увлекался техническими новинками Запада. А. вел переписку с патриархом *Иоакимом* и его преемником *Адрианом*, митрополитом Тобольским и Сибирским *Игнатием*, монахом Чудова монастыря *Евфимием*, князьями Ф. М. Апраксиным и А. П. Прозоровским, боярином К. Ф. Нарышкиным, справщиками Печатного двора *Николаем Семеновым Головиным* и *Федором Поликарповым* и другими духовными и светскими лицами.

А. родился в г. Тюмени Тобольской губернии. Первое влияние на формирование его характера и любовь к книжности оказала, по-видимому, его мать Пелагея, в будущем — игуменья Параскева в Тюменском Алексеевском женском монастыре. В 1666 г. А. принял постриг в Далматовском Успенском монастыре. Духовным наставником его был основатель монастыря — старец Далмат, слывший книжником. Он оказал значительное влияние на судьбу А., характер его интересов и будущих литературных занятий. Биограф А. В. М. Верюжский, ссылаясь на свидетельство А. А. Матвеева, полагал, что А. некоторое время принадлежал к расколу. Идеологию раскола исповедовал и игумен монастыря Исаак, с которым А. был в близких отношениях (см.: Верюжский В. М. Афанасий. . . С. 11—13). Вскоре, однако, А. обращается к православию. Об этом свидетельствует тот факт, что в том же 1666 г. А. становится крестовым иеродьяконом в доме тобольского архиепископа *Корнилия*. В 1668 г. А. сопро-

вождал Корнилия в Москву. Приблизив к себе А., тобольский архиепископ разглядел в нем человека достаточно образованного, сведущего в вопросах богословия, обладающего энергичным и твердым характером. На него он мог надежно опираться в своей церковной деятельности. При архиерейском доме А. пребывал до 1674 г., затем он возвращается в Далматовский монастырь, а в 1675 г. становится его игуменом. По поручению Корнилия (теперь уже митрополита) осуществляет контроль над церковной деятельностью не только в Далматовском монастыре, но и в окрестных приходах, в частности следит за единообразием богослужения в соответствии с новоисправленным Служебником, а также занимается хозяйственными делами; Корнилий возлагал на А. и решение некоторых спорных вопросов, касавшихся внутримонастырских конфликтов (см.: В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 17—20). В 1677 г. по неизвестным причинам А. был сослан в Енисейский острог в Спасский монастырь, однако в декабре того же года получил прощение от митрополита Корнилия и возвратился в монастырь (Архангельские губернские ведомости. 1870. № 51).

В августе 1679 г. А. навсегда покидает монастырь. По поручению Далмата он отправляется в числе других посланцев в Москву с челобитной к царю (челобитная игумена Исаака с братией опубликована: ЧОИДР. 1886. Кн. 4. С. 18—24). В Москве А., очевидно, произвел хорошее впечатление своей начитанностью и был приближен к патриарху Иоакиму. В должности патриаршего крестового иеромонаха А. пребывал до 1682 г. В марте 1682 г. он был возведен в сан архиепископа и назначен во вновь образованную Холмогорскую епархию. Столь высокое назначение было признанием его незаурядных способностей в делах церкви, широкой начитанности, искусственности в вопросах догматики; немаловажное значение при этом имели и его опыт службы в Сибири (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . С. XII), и его грекофильские симпатии, которые были по душе патриарху Иоакиму. По мысли В. М. Верюжского (Афанасий. . . С. 31), последнее обстоятельство было решающим фактором, определившим выбор А. на холмогорскую архиепископию. Посвящение А. состоялось 19 марта, однако события, последовавшие за смертью царя *Феодора Алексеевича* (27 апреля), задержали его отъезд в Холмогоры до 10 сентября. Все это время А. принимает деятельное участие в московской жизни: присутствует при выносе тела покойного царя в Архангельский собор, служит обедню и панихиду по умершему государю, участвует в праздничных богослужениях по случаю Пасхи, 25 июня — в венчании на царство Иоанна и Петра Алексеевичей, а 5 июля — в знаменитых прениях православных иерархов с раскольниками, состоявшихся в Грановитой палате в присутствии царского семейства. Ссылаясь на свидетельства современников, В. М. Верюжский отмечал (Афанасий. . . С. 42), что А. в этом диспуте заметно выделялся среди других иерархов знанием церковных догматов, полемическими способностями и твердостью характера. Очевидно, это обстоятельство и побудило патриарха Иоакима обратиться к А. с поручением составить «Увет духовный», который был написан А. за 50 дней. 27 августа 1682 г. Московский Печатный двор приступил к его изданию, а к 20 сентября «Увет духовный» был напечатан тиражом в 1200 экземпляров (Б е л о к у р о в С. А. Кто автор Увета духовного? С. 164—166).

В Холмогоры А. прибыл 18 октября 1682 г. Здесь он энергично принимается за устройство церковного управления в епархии: ведет решительную борьбу с расколом, обращаясь за содействием к местным священникам и светским властям; в июне 1683 г. лично посещает Соловецкий монастырь. А. стремится к единообразию в отправлении церковных обрядов, неуклонно следуя московскому образцу. С этой целью при архиерейском доме велись подробные записи служб в хронологической последовательности (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . с. IX); приходские церкви были снабжены по инициативе А. новоисправленными книгами (см.: В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 37С).

Не только церковные и административные вопросы занимали А., он живо интересовался и государственными делами. Деятельная натура А., его сочувственное отношение к начинаниям Петра I снискали расположение к нему царя. Приезжая в Архангельск, Петр I неизменно встречался с А.; во время второго приезда царя (1694 г.) А. сопровождал его в Соловецкий монастырь. Описание посещений Петром I Архангельска сохранилось в записках «О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича . . . из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, тоекратно бывших. . .» (М., 1783), приписываемых А. (Ф и л а р е т. Обзор. С. 255). А. поддерживал стремление Петра I получить для России выходы к морю. Во время азовских событий (1695—1696) он внимательно следит за их ходом, ведет переписку с архангельским воеводой Ф. М. Апраксиным. Все материалы, касающиеся азовских походов, собирает в единое целое под названием «Вести из-под Азова» (В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 534—535). В ходе подготовки Северной войны А. по поручению царя собирает сведения, касающиеся пограничных земель и путей, ведущих к шведской столице, на основе которых составляет «Описание трех путей из России в Швецию», где ставит практическую задачу: познакомить русских с городами, селениями, укреплениями — местами будущих военных действий (см.: Ш а с к о л ь с к и й И. П. «Описание трех путей». . . С. 458). С конца 1700—начала 1701 г. властями делаются распоряжения о строительстве в Березовском устье Двины крепости для обороны Архангельска от ожидавшегося нападения шведского флота. 12 июня 1701 г. она была торжественно заложена с благословения холмогорского архиерея (О высочайших пришествиях. . . С. 56—58). На строительство Новодвинской крепости из архиерейского дома были сделаны щедрые пожертвования строительными материалами и деньгами; участие А. в этом строительстве было отмечено благодарственной царской грамотой (см.: В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 545).

А. принадлежат большие заслуги в истории развития книжной культуры и архитектуры на севере Русского государства. С самого начала его архиешкопства (особенно в первое десятилетие) в Холмогорах и его окрестностях начинается каменное строительство (см.: Б у л к и н В. А., О в с я н н и к о в О. В. Из истории. . .). А. проявляет большой интерес к архитектурному искусству, из патриаршей библиотеки получает специальную книгу по архитектуре, рисунки, лично наблюдает за строительными работами (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . С. XVI; Т и т о в А. А. Летопись Двинская. Запись под 1685 г. и др.). *Летописец Двинской* сообщает и о том, что при архиерейском доме существовала иконописная мастерская, где работала группа искусных изографов, имена которых называет летопись (Т и т о в А. А. Летопись Двинская. С. 57). Здесь сообщается также и о переписке книг, которая постоянно велась в доме архиерея под непосредственным руководством А. Он был хорошо знаком с книгохранилищем Чудова монастыря, откуда брал книги для переписки (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . С. XXVII). Иногда книги переписывались в Москве, куда А. не раз приглашался патриархами Иоакимом и Адрианом по церковным делам (Двинской летописец сообщает о переписке в 1697 г. Евангелия из Чудова монастыря: Т и т о в А. А. Летопись Двинская. С. 100). За книгами А. обращался также в Соловецкий и Сийский монастыри, отдавая предпочтение более древним и исправным рукописям. К писцам А. предъявлял высокие требования: точное следование оригиналу, строгое соблюдение правил орфографии; большое внимание уделялось внешнему оформлению рукописей, их реставрации (см.: К у к у ш к и н а М. В. Монастырские библиотеки. . . С. 187—190). М. В. Кукушкина на основе палеографического изучения книг архиерейской библиотеки сделала вывод о сложившейся в конце XVII в. книгописной школе А. со своеобразными традициями в письме и искусстве оформления книги (Там же. С. 195).

При всем многообразии интересов главным увлечением А. всегда оставалась книга, как писал В. М. Верюжский: «Стремление к образованию, книжности составляет основной мотив его жизни» (Афанасий. . . С. 26). При архиерейском доме помещалась собранная им библиотека, в которой насчитывалось около 490 томов, половину которых составляли рукописи (Там же. С. 574). Впоследствии библиотека А. поступила в Архангельскую духовную семинарию (В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 3), несколько рукописей попали в собрание Ф. А. Толстого (И к о н н и к о в В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1076). Большая часть рукописей бывшей архиерейской библиотеки находится ныне в БАН в составе Архангельского собрания (см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX—XX вв. М.; Л., 1958. С. 154—156; К у к у ш к и н а М. В. Монастырские библиотеки. . . С. 186). А. был не только увлеченным собирателем и читателем книг, но и сам много писал. Расцвет его писательской деятельности приходится на холмогорский период жизни. В Холмогорах были созданы почти все его сочинения, исключая «Увет духовный», написанный А. в Москве незадолго до отъезда в Холмогорскую епархию. Однако писать А. начал, по-видимому, еще в Сибири, в стенах Тюменского Далматовского монастыря. В. М. Верюжский называл компилятивное Толкование на Псалтырь, составленное А. в 1666 г. (Афанасий. . . С. 11). Исследователь предполагал также, что и «Шестоднев» был написан А. во время его жизни в монастыре, в первый год пострижения, когда он еще исповедовал идеологию раскола. Основанием для этой гипотезы послужил факт последовательного написания в старообрядческой огласовке этикетной формулы «Во веки веком» в сборнике, содержащем список «Шестоднева». Сборник, которым пользовался В. М. Верюжский, принадлежал архиерейской библиотеке, ныне хранится в БАН (Архангельское собр. С. 279). В. М. Верюжский вслед за П. В. Знаменским ошибочно считал этот список автографом А. Кроме списка БАН известны еще два списка «Шестоднева»: ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 991/1100; ГБЛ, собр. Ундольского, № 186. Текстологический анализ этих списков выявляет ряд ошибочных чтений в списке БАН, которые не могут принадлежать автору. Что касается датировки памятника, то вопрос этот остается открытым, хотя некоторые особенности текста «Шестоднева» дают основание предположительно отнести его создание к более позднему времени — жизни А. в Холмогорах (см.: П а н и ч Т. В. Особенности «Шестоднева». . .). Проблемы источников «Шестоднева» касался П. В. Знаменский, отметив компилятивный характер сочинения и зависимость от текста шестоднева *Толковой палеи* (З н а м е н с к и й П. В. Шестоднев. . . С. 572). «Шестоднев» был составлен А. на основе имевших хождение на Руси памятников подобного жанра: шестодневов Василия Великого и Иоанна экзарха Болгарского. Он использовал также «Богословие» Иоанна Дамаскина (в частности, его космологию) и сочинения других отцов церкви, ибо как сам заметил: «Мы же елика сила собрахом». Обнаруживая немалую зависимость от источников, А. в рамках традиционного жанра сумел сказать и свое слово. В его «Шестодневе» нашли отражение естественнонаучные и космологические представления образованного человека Московской Руси конца XVII в. «Шестоднев» не издад.

Многое, что вышло из-под пера А., в той или иной мере было откликом на современные ему события или церковную полемику того времени. Так, «Увет духовный» написан по горячим следам событий, разыгравшихся 5 июля, участником которых был А. «Увет» был издан от имени патриарха Иоакима, которого долгое время числили автором сочинения. С. А. Белокуров высказал предположение о принадлежности «Увета духовного» А., выдвинув ряд веских аргументов (Кто автор Увета духовного? С. 173—177). В. М. Верюжский подтвердил это предположение, сославшись на

грамоту А. архангельским стрельцам от 23 апреля 1683 г., где он прямо пишет о своем авторстве (Афанасий. . . С. 606). В «Увете духовном» А. на основе многочисленных выписок из древних греческих и славянских книг разбирает и опровергает челобитную раскольников, которая была подана в Грановитой палате. Как противораскольническое сочинение «Увет духовный» использовался и в XVIII в., было несколько его переизданий. Сочинение известно и в списках, сделанных с печатного издания 1682 г.: ГБЛ, ф. 310, № 1079; ф. 178, № 6429; БАН, собр. Археографической комиссии, № 95 (223); БАН, 33.6.21 (Сев. 495).

Богословско-полемический характер имеют и два других сочинения А.: «Книга православного исповедания», или «Книга о пресуществлении», и «Щит веры». Черновой автограф «Книги православного исповедания» датирован 20 декабря 1688 г., он хранится в БАН в составе Архангельского собрания (С. 170). По этой рукописи сочинение было издано в 1899 г. М. Сменцовским в приложении к его исследованию «Братья Лихуды». «Щит веры» (1690 г.) не был издан, хотя готовился для печати с благословения главы русской церкви (См.: Г о р с к и й А. В. и Н е в о с т р у е в К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1862. Т. 4, отд. 3. С. 497—503). В этих сочинениях нашла отражение церковная полемика конца XVII в. по догматическому вопросу о времени пресуществления святых даров в чине литургии; спор отражал борьбу двух непримиримых противников — грекофилов и латинствующих. Будучи убежденным грекофилом, А. выступает в «Книге православного исповедания» в защиту православной точки зрения, подкрепляя свои рассуждения многочисленными выписками «от апостольских и отеческих догмат и писаний», ибо для него, как заметил М. Сменцовский, «неуклонная верность преданию — это единственно надежный путь для решения спорного вопроса» (Братья Лихуды. С. 173). «Щит веры» был составлен А. не только против латинской точки зрения на время пресуществления, но и с целью опровержения других католических и протестантских идей, проликших на Русь в XVII в. Авторство А. было установлено не сразу. Некоторые исследователи предполагали участие в составлении «Щита веры» братьев *Лихудов* (С а в в а, архимандрит. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 271; С м е н ц о в с к и й. Братья Лихуды. С. 242—243), другие приписывали памятник их ученикам *Николаю Головину* и *Федору Поликарпову* (Ф и л а р е т. Обзор. С. 245). П. М. Строев в атрибуции «Щита» колебался между А. и патриархом Иоакимом (Словарь. С. 32, 124). А. Е. Викторов указал на рукопись «Жития и духовного завещания Московского патриарха Иоакима», в последней части которого, написанной в форме послания к А., сообщается о том, что «Щит веры» был составлен А. по благословию Иоакима (В и к т о р о в А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 18—19). Издание «Жития и завещания Иоакима» (СПб., 1879) утвердило в науке факт авторства А. М. Сменцовский выделил две редакции «Щита» — краткую, первоначальную, и распространенную (включившую «Акос» и «Диалоги» Лихудов), создание которой он относил ко времени после 1693 г. на том основании, что в нее вошли отрывки из святоотеческих сочинений, переведенных в 1693 г. (Братья Лихуды. С. 242, примеч.). В. М. Верюжскому были известны восемь списков «Щита», составление памятника он относил к началу 1690 г. (Афанасий. . . С. 629—630). «Щит веры» известен в списках: БАН, П. I. В., № 8; ГБЛ, Музейное собр., № 4445 (извлечения); ГБЛ, собр. Румянцева, № 471; ГБЛ, собр. Егорова, № 1152, 1570; ГИМ, Синодальное собр., № 310; ГИМ, собр. Барсова, № 474, 475; ГПБ, F.I.186; ГПБ, собр. Титова, № 1243 (3245); ГПБ, Q.1.1430.

Среди литературных сочинений А. есть и труды светского характера. К ним относится «Описание трех путей из России в Швецию». Долгое время был известен лишь один список сочинения в сборнике начала XVIII в.

из собрания Ф. А. Толстого (ГПБ, Ф. XVII. 10), на основании которого считалось, что «Описание» было составлено А. в 1701 г. (в заглавии памятника в этом списке есть дата: «Лета господня 1701, месяца марта»). Список был опубликован в 1838 г. П. Г. Бутковым и в 1908 г. В. М. Верюжским в приложении к жизнеописанию А. В 1960 г. Л. А. Дмитриев опубликовал новый список «Описания» из рукописного сборника начала XVIII в., хранящегося в библиотеке Саратовского университета (собр. И. А. Шляпкина, 329.530). На основании имеющейся в названии даты («Сочинися же сие самем пресвященным архиепископом 1700 марта дня») и некоторых разночтений Л. А. Дмитриев датировал памятник мартом 1700 г., сделав предположение, что дата в списке ГПБ, Ф. XVII.10 является опиской, а сам список представляет более позднюю переработку «Описания» по сравнению со списком из собрания Шляпкина. Ныне известен еще один список памятника, читающийся в сборной рукописи конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, СПб. ДА, № 424), который представляет собой тот же вид «Описания», что и список из собрания Шляпкина. Текстологический анализ имеющихся списков сочинения дает возможность выделить две его редакции: первоначальную (ГПБ, СПб. ДА, № 424, и СГУ, собр. Шляпкина, 329.530) и сокращенную (ГПБ, Ф. XVII.10), сделанную, вероятно, самим автором до осени 1702 г. (см.: П а н и ч Т. В. «Описание трех путей». . .).

А. проявлял также большой интерес к медицине. Свидетельство тому — составленный им в 1695 г. Лечебник («Реестр из дохтурских наук. . .»), включающий 55 глав. Здесь описываются рецепты и способы приготовления различных лекарств (эликсиров, мазей и т. д.). Ныне известно 5 списков Лечебника: ГБЛ, собр. Ундольского, № 699, л. 1—27; ГБЛ, Музейное собр., № 10 417, л. 65—77 об.; № 1675, л. 1 (имеется только начало сочинения); ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 30/1489, л. 1—26; ГПБ, Q.VI.13. Экземпляр Лечебника, по-видимому, был подарен двинскому воеводе Ф. М. Апраксину, так как в двух из дошедших до нас списков (оба списка из Музейного собр. ГБЛ) имеется посвящение ему в начале сочинения. Лечебник был издан В. М. Флоринским по списку ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 30/1489.

Известны и поучительные сочинения А.: «Слово пастыря ко овцам, внегда ему отходити от стада» (опубликовано В. М. Верюжским: Афанасий. . . С. 139—141), несколько посланий, в том числе окружных: «Окружное послание к пастве» 1696 г. (В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 129—134; П о с т н и к о в С. Афанасий. . . С. 23—42) и 1697 г. (Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 18. С. 484—485). Первое широко распространено в списках конца XVII—XVIII в.: БАН, Архангельское собр. С. 261; БАН, Архангельское собр. С. 162; БАН, 33.15.18 (Нов. 398); БАН, Архангельское собр. Д 486; БАН, Архангельское собр. Д 487; БАН, Архангельское собр. Д 488; БАН, Архангельское собр. Д 489; ГБЛ, собр. Отдела рукописей, № 443; ГПБ, собр. Вяземского, Q.233; ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 665/723.

Соч.: Увет духовный. М., 1682; переиздания: М., 1753; М., 1791; О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича . . . из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину к Архангельскому городу; о зачати Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М., 1783; Описание трех путей из России в Швецию. . . / Подгот. к печати П. Г. Бутковым // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1838. Ч. 29. С. 260—295; П о с т н и к о в С. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник. 1866. Т. 4. Октябрь. С. 23—42 («Окружное послание к пастве» 1696 г.); Ф л о р и н с к и й В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879. С. 211—229 («Реестр из дохтурских наук. . .»); С м е н ц о в с к и й М. Церковно-исторические материалы (дополнительные приложения к исследованию «Братья Лихуды»). СПб., 1899. С. 44—70 («Книга о пресусствлении»); В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 656—665 («Описание трех путей из России в Швецию. . .»); Д м и т р и е в Л. А.

Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 335—349.

Лит.: Записки русских людей / Изд. И. П. Сахаровым. СПб., 1841; З н а м е н с к и й П. В. Шестоднев Афанасия, архиепископа Холмогорского // Странник. 1883. Декабрь. С. 565—594; Б е л о к у р о в С. А. Кто автор Увета духовного? // Христ. чт. 1886. Т. 2. С. 163—177; Т и т о в А. А. Летопись Двинская. М., 1889; Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1891; С м е н ц о в с к и й М. Братья Лихуды. СПб., 1899; Г о л у б ц о в А. П. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М., 1903; Р у н к е в и ч С. Г. Архиереи Петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. СПб., 1906. Вып. 1; Ш а с к о л ь с к и й И. П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 457—460; С е р б и н а К. Н. Двинской летописец // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 196—219; Б у л к и н В. А., О в с я н и к о в О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII в. в Нижнем Подвинье // Средневековая Русь. Памяти Н. Н. Воронина. М., 1976. С. 344—352; К у к ш и н а М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 185—197; О в ч и н н и к о в а Е. С. Атрибуция двух портретов петровского времени // На рубеже двух веков: Из истории преобразований петровского времени. М., 1978. С. 106—112 (Труды ГИМ; Вып. 47); П а н и ч Т. В. 1) Особенности «Шестоднева» Афанасия Холмогорского // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 5—24; 2) Мироздание в представлении книжника XVII века: (На материале Шестоднева Афанасия Холмогорского) // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 305—321; 3) «Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского: (К истории текста памятника) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 96—110.

Т. В. Панич

Афанасий (вторая половина XVII в.) — дьякон Спасского, что на дворце, собора, автор «Обличения на новопотаенных волков, ходящих в одеждах ловчих, кои . . . но истине поборателей называют латынниками, варварами, уншатами, псами и блядословцы» (1688).

Сочинение А. направлено против «Акоса» братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* в защиту латинского мнения о времени пресуществления святых даров в таинстве евхаристии. На основании «покаянного исповедания» единомышленника *Сильвестра Медведева* священника *Саввы Долгого*, давшего показание о «хульных тетрадах» Сильвестра Медведева на братьев Лихудов (см.: Остен: Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865. С. 106), а также на основании предположения представителя греческой партии, чудовского инока *Евфимия*, некоторые исследователи приписывали «Обличение» Сильвестру Медведеву (см.: П р о з о р о в с к и й. Сильвестр Медведев. С. 579, примеч. 19). Но от Сильвестра Медведева дошло другое полемическое сочинение против «Акоса», написанное в том же 1688 г., что и «Обличение», — «Известие истинное православным и показание светлое о новом правлении в Московском царствии книг древних. . .»; к нему и следует отнести подследственное свидетельство Саввы Долгого.

В то же время Сильвестр Медведев, старец Арсений, Лаврентий Бурмистров называют автором «Обличения» дьякона А. (см.: Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 544, 554—555, 572). Розыские дела о Федоре Шакловитом показали, что дьякон А. был человеком близким Сильвестру Медведеву и писал свое «Обличение» в трапезной келье Сильвестра (по показанию старца Арсения, «тетрадок с сорок или больше»). Набело переписывали «тетрадки» двое «гуляющих людей», а раздавали их в народ сам дьякон А., Савва Долгий и Сильвестр Медведев.

Полемическим ответом со стороны греческой партии на «Обличение» дьякона А. было сочинение чудовского инока Евфимия «Показание истины, или на псонестовное брехание ответ мудрейших учителей Иоанникия и Софрония самобратов Лихудиев», в котором Евфимий называет «Обличение» «неистовнобреханием на святую восточную церковь». Перечень списков «Обличения» дан в книге А. Прозоровского (Сильвестр Медведев. С. 578).

Соч.: П р о з о р о в с к и й А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 584—593; см. также с. 277—280, 577—584.

Лит.: Шляпки И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 153—157; Семеновский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 189—191.

Н. В. Полярко

Байков Федор Исаакович (ок. 1612—1663/1664) — воевода, автор статейного списка посольства в Пекин в 1654—1658 гг., записанного в Москве в приказе Большого дворца с его слов (сам он был неграмотен, а в составе его посольства не было писцов). Б. был боярским сыном, его отец — выходец из великолукских служилых людей. Б. в 1628 г. был жильцом и стольником при дворце патриарха *Филарета*. С 1635 г. Б. служил в разряде дворян, был воеводой в Валуйках, в Малгазее. Путешествие в Китай было предпринято Б. из Тобольска «для государева торгового промысла», и хотя оно не было результативным, впечатления путешественника оказались ценным историко-географическим материалом, обогатившим как древнерусскую литературу «о чужих землях», так и европейскую: статейный список Б. использовал Н. Витсен в труде «Северная и Восточная Татария» (Амстердам, 1702). Путь Б. прошел вверх по Иртышу, через западный и юго-западный Алтай и от Черного Иртыша вдоль пустыни Гоби вплоть до Камбалыка (Пекина). Рассказ Б. отличается точностью и ясностью описания рек, степей, гор, поселений, городов, обычаев, торговли. Названа китайская стена, впервые в русской письменности упомянут чай, которым угощали посла, описана пустыня Гоби. В статейном списке фигурируют глинобитные жилища, лавки, базары, восточные товары и цены на них, зонты («солншники бумажные желтые»), носилки для воевод, описан характерный орнамент: «. . . а на платьях и на сосудах деланы всё змеи» и т. п. Пребывание Б. в Пекине длилось целый год, причем «с двора ходить русских людей не пускали, заперты были, что в тюрьме». Из-за отказа посла выполнить унизительный ритуал земных поклонов его не допустили к богдыхану и даже вернули ему подарки («поминки»). Статьиный список Б. исследован главным образом с точки зрения исторической географии и этнографии.

Соч.: ДРВ, 2-е изд. М., 1788. Ч. 4. С. 120—142; Сибирский вестник. СПб., 1820. Ч. 11, кн. 8. С. 113—136; кн. 9. С. 137—166; Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. С. 125—134; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966. С. 113—145; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1: 1608—1683. С. 169—199.

Лит.: Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619—1792 гг. Казань, 1862. С. 8—11; Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.; Л., 1949. С. 120—126 и след.; Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1954. С. 26—44; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 72—73, 166—167; Демидова Н. Ф. О вариантах статейного списка посольства Ф. И. Байкова в Китай // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей. М., 1961. С. 270—280.

О. А. Белоброва

Бархатов Иван (вторая половина XVII в.) — крестьянин Исетского острога Тюменского уезда, старообрядец, один из авторов «Сказки» крестьян д. Мостовки. Обстоятельства появления этой «Сказки» таковы. В конце января или начале февраля 1679 г. в исетскую деревню Мостовку Тюменского уезда приехал с 30 служилыми людьми приказчик Мехонской слободы Гаврила Буткеев, который участвовал в правительственном розыске в связи с массовым старообрядческим самосожжением на р. Березовке в Тобольском уезде в пустыни Даниила-Доментяна, произошедшим в ночь на 6 января 1679 г. Выгнав в лес раздетых жителей, он стал «вымучивать» «по полтине с человека со всяя деревни» (ДАИ. Т. 8. С. 220). Притеснениям со стороны Буткеева были также подвергнуты крестьяне Мехонской слободы, которые в знак протеста 4 февраля того же года «засели в избу» и приготовились к «гари» (Там же. С. 248). Эти события послужили

поводом для активной старообрядческой агитации, которую стали вести в окрестных деревнях пашенные крестьяне Б., Ивашка Казанец и «утеклец» из Данииловой пустыни гуляющий человек Васька. 14 марта посланный с военной командой из Исетского острога драгунский капитан Степан Поляков схватил в Мостовке Б. и Ваську и под охраной отправил в Тобольск. Однако родной брат Б. Ганка Бархатов «с товарищи, человек с двадцать и болши», отбили на дороге арестантов у провожатых и заперлись в Мостовке «во двор человек с сорок и болши». Во время своих действий они служилих людей «бранили и еретиками и богоотступниками называли и антихристовыми слугами», а Б. именовали «наставником своим и учителем» (Там же. С. 218—219).

Власти вскоре поняли, что появилась угроза нового самосожжения. С затворцами были начаты переговоры, в результате чего в последних числах марта 1679 г. «по велению» Б. ими была написана на имя царя *Федора Алексеевича* «Сказка». В ней жители Мостовки в яркой публицистической форме излагали причины того, почему они заперлись и готовы «во огни гореть, якоже и у Данила священноинока», причем четко выраженные социальные мотивировки тесно переплетались здесь с грамотной построенной, основанной на свидетельствах из старопечатных и рукописных книг системой доказательств в защиту «старой веры». В числе этих доказательств содержится ряд примеров из Пролога и Толкового Евангелия, оправдывающих самосожжения, которые, возможно, были заимствованы из какого-то неизвестного старообрядческого сочинения, специально посвященного этой проблеме.

Соч.: ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 219—222.

Лит.: Ш и ш о н к о В. Пермская летопись с 1263—1881 г. Пермь, 1884. Четвертый период: С 1676—1682 г. С. 364—365; Са по ж н и к о в Д. И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII). М., 1891. С. 11—14; Б е л и к о в Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 6—7; С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 13. С. 241—243; Ш а ш к о в А. Т. Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 87—90; П и х о я Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 45—52.

А. Т. Шаинов

Бегичев Иван Иванович (XVII в.) — стольник, автор послания, адресованного Семену Лукьяновичу Стрешневу (имя автора приведено в тайнописи «простой литореей»). Послание сохранилось в двух списках XVII и XVIII вв. (БАН, собр. Яцимирского, № 38 и ГИМ, собр. Забелина, № 49); в более раннем адресат не назван («имярек»). Публикатор послания по списку XVII в. А. И. Яцимирский считал его автором Ивана Кузьмича Бегичева, московского дворянина, убитого на пути в Царьград в 1624 г. Более основательно атрибуция И. Е. Забелина, приписавшего послание Б. патриаршему (1627—1629), а затем царскому (1636—1640) стольнику. И. Е. Забелин датировал послание 1643 г., когда Б. бежал в Литву, по-видимому, стремясь скрыться от наказания за дерзость в споре со знатным собеседником обнаруженный исследователем документ свидетельствует о возвращении Б. в Москву в 1646 г. и о восстановлении его в правах владельца икон в драгоценных окладах.

Послание Б. написано после ссоры между двумя светскими лицами, участниками охоты («. . . егда с тобою аз шествовахом из вотчины твоей, зовомья Черная грязь, на лов звереск. . .»). Ссора возникла из-за несогласия в толковании текста Библии (Исх. 33, 23), буквального у С. Л. Стрешнева и более тонкого, индикаторного у Б.

Наиболее важно в послании Б. противопоставление книг «божественных» сочинениям иного рода (не одобряемым автором послания): это «баснословные повести, глаголемые еже о Бове Королевиче и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младевец, иже О куре и о лице и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных

писм». Осознание разницы между литературой «божественной» и более демократической, обмирщенной указывает на распространение последней, свидетельствует о ее проникновении в читательскую среду знати и о формировании определенных эстетических норм и вкусов в Московской Руси середины XVII в. Упоминание *Повести о Бове* — первое ее отражение в письменности.

Соч.: Я ц и м и р с к и й А. Н. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием // ЧОИДР. 1898. Кн. 2 (185), разд. 2. С. 1—13.

Лит.: З а б е л и н И. Е. Заметка о послании Ивана Бегичева // Археологические известия и заметки. М., 1899. № 1—2. С. 1—8; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 153; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 303—304.

О. А. Белоброва

Белобочкий Ян (Андрей Христофорович) (XVII в.) — переводчик, писатель. Поляк по происхождению, шляхтич Перемышльского повета, Б. родился в середине XVII в. В юные годы был связан с кальвинистами в Слуцке и Торуне, с 1665 г. странствовал по Западной Европе, побывал в Германии, Франции, Италии и Испании для «научения философских и богословских наук», учился в Вальядолидском университете. В 1680 г. приехал через Ригу в Смоленск, где подвергся преследованию со стороны местных иезуитов. В феврале 1681 г. с епископом Смоленским Симеоном прибыл в Москву в надежде получить место в создававшейся здесь академии. По наущению *Сильвестра Медведева* другой выходец из Польши Павел Негребецкий подал на него донос, обвиняя Б. в ересях и призывая «кровью изыскать» на нем «хулы и лукавства». Вызванный к патриарху, Б. был признан еретиком и обязался осудить католические и протестантские ереси; последующие нападки на его «Исповедание веры» со стороны Сильвестра Медведева последствий не имели. В 1682 г. Б. принял православие, получив в крещении имя Андрей, и после испытания в Посольском приказе в знании латинского, французского и итальянского языков был взят на службу и причислен к кормовщикам московского чина. В Москве Б. женился, занимался преподаванием латинского языка П. М. Апраксину и другим дворянам Нарышкинского круга. В 1685 г. принимал участие в диспуте по богословским и философским вопросам с братьями *Иоаннием* и *Софронием Лихудами* и был ими уличен в ереси. В январе 1686 г. приписан в качестве переводчика к Великому посольству Ф. А. Головина, принимал участие в переговорах с иезуитами, представлявшими китайскую сторону. В начале 1691 г. вернулся в Москву; в 90-х гг. иеромонах Чудова монастыря *Евфимий* доносил патриарху, что Б. «тоже мудрствует и прелщает и доднесь». Прямых свидетельств о последних годах жизни Б. нет; судя по косвенным данным, он умер в начале XVIII в. (вероятно, после 1712 г., когда была напечатана в Петербурге его «Краткая беседа милости со истиною...»).

О литературной деятельности Б. до прибытия в Москву сведений нет. Его «Исповедание веры» (на польском языке и в русском переводе — единственный список: ГИМ, Синодальное собр., сб. № 1) датируется маем 1681 г. и вызвано обвинениями в ереси; в нем он утверждал возможность спасения и в православии, и в католицизме и в духе гуманистически-реформационных теорий считал необходимым в вопросах веры следовать внутреннему побуждению («толцанию» Духа святого). Приписываемый Б. трактат «О безразличии церквей» не обнаружен, никаких сведений о нем в современных Б. свидетельствах нет, — очевидно, это и есть соответствующий раздел «Исповедания веры». В 1684—1685 гг. Б. создает перевод книги «О последовании Христу» Фомы Кемпийского (сохранились две первые книги перевода, перевод третьей книги, очевидно, не был завершен); переводу предпослано оригинальное предисловие и стихотворные посвящения (единственный список: ГИМ, Синодальное собр., № 825). Датированная 1685 г. «Краткая беседа милости со истиною о божии милосердии и мучении» — возможно, перевод (с латинского или польского?),

оригинал которого не обнаружен, — представляет собой стихотворный (писанный неравносложными рифмованными стихами) диалог, заканчивающийся выводом о всеобщем прощении грешников («Милость вся побеждает, все грехи покрывает милость»), что свидетельствует о близости Б. к радикальным идеям европейского свободомыслия XVI—XVII вв. Краткая беседа имела значительное распространение (учтено 19 списков) и была напечатана в Петербургской типографии в 1712 г. в количестве 100 экз., из которых ни один до сих пор не обнаружен. В 1737 г. библиотекарем Академии наук А. И. Богдановым был сделан список с издания 1712 г.: БАН, 16.16.21. Написанная после возвращения из Китайского посольства «Риторика Раймунда Люллия» — пособие по церковному и светскому красноречию, созданное Б. на основе логического учения средневекового философа Раймунда Люллия (каталонец Рамон Лулл; 1235—1315) и его новейших комментаторов, в том числе Генриха Корнелия Агриппы Неттсгеймского и Джордано Бруно (учтено 9 списков, в том числе: БАН, Архангельское собр. С. 149). Главное стихотворное произведение Б. — «Пентатеугум, или Пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека» (единственный список: ГИМ, собр. Уварова, № 472/268) — силлабическая поэма в 5 частях (664 стиха), опыт перенесения на русскую почву европейского барокко. Поэма представляет собой вольный перевод с польского. В основу перевода положены стихи немецких латинских поэтов-иезуитов М. Радера («Погребальный плач», «Страшный суд»), И. Нисса («Вечные адские мучения», «Вечная радость блаженных») и Я. Бальде («О суете мира») в польском переводе З. Брудецкого, но с использованием также и латинских оригиналов. Несмотря на обилие полонизмов, «Пентатеугум» представляет собой значительный памятник русской силлабической поэзии конца XVII в. (он датируется примерно серединой 1690-х гг.). Автор стремился приблизить стихи поэтов-иезуитов к русскому читателю, вводя русские реалии; впервые в русской силлабике применена перекрестная рифма. Самое популярное среди русских читателей сочинение Б. — «Великая и предивная наука Раймунда Люллия» (1698—1699; учтено более 55 списков, в том числе: ГПБ, Ф. III.1) — оригинальное переложение логико-философских идей «великого искусства» Раймунда Люллия и его поздних толкователей, попытка представить всеобъемлющий метод познания и легкого усвоения наук; большое внимание уделено в книге переводу и истолкованию важнейшей философской терминологии. «Великая наука» имела большой успех в демократических читательских кругах; в 1725 г. *Андрей Денисов* создал ее сокращенный вариант, получивший распространение в старообрядческой среде (учтено 7 списков, в том числе: БАН, 16.15.19). Вероятно, под влиянием успеха «Великой науки» Б. создал в начале XVIII в. (предположительно около 1707 г.) перевод «Краткого искусства» — «Краткую науку Раймунда Люллия» (учтено 10 списков, в том числе: ГПБ, собр. Тиханова, № 216). Видимо, последним по времени произведением Б. является краткое сочинение по риторике «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем» (единственный список: ГПБ, собр. Вяземского, О. XXVIII). «Люллианские» сочинения Б. (прежде всего «Великая наука» и «Риторика») способствовали распространению логико-философских идей западно-европейского люллианства. Б.-философ — эпигон расхожих идей европейского свободомыслия XVII в. Противопоставление философии богословию, утверждение «со-вечности» и «соприущности» природы («естества») богу свидетельствовали о влиянии пантеистической философии на мировоззрение Б., а его идеи равенства исповеданий, соблюдения заповедей «по естеству» отражали воздействие идей «естественной», «прирожденной» религии и вели к веротерпимости, предвосхищая в известной мере религиозную политику Петра I. В то же время привязанность к средневеково-ренессансной традиции, чуждой научным и просветительским задачам Петровской эпохи, привела к тому, что «Вели-

кая наука» не дошла до печатного станка и оказалась на обочине историко-литературного развития России XVIII в.

Соч.: Краткая беседа милости со истиною о божии милосердии и мучении. СПб., 1712; Книга сия философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем. Литогр. изд. СПб., 1878 (ОЛДП; Т. 18); Г о р ф у н к е л ь А. Х. «Пентатеугум» Андрея Белобоккого: (Из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 21. С. 39—64; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 218—249 («Пентатеугум»).

Лит.: Н о в и к о в Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772; С у б о т и н Н. Ян Белободский и Павел Негрубецкий: Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII века // Прибавления к Творениям св. отцов за 1862 г. М., 1862. Ч. 21. С. 569—614; Ц в е т а е в Д. В. Памятники к истории протестантизма в России. М., 1888. Ч. 1. С. 196—242; Б е з о б р а з о в а М. О «Великой науке» Раймунда Люллия в русских рукописях XVII века // ЖМНП. 1896. № 2. С. 383—399; С о б о л е в с к и й А. И. 1) Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII веков // ВАИ. СПб., 1899. Вып. 11; 2) Переводная литература. С. 158, 159, 174, 175, 204, 205, 442, 443; С о в и ц к и й Д. Русский гомилет начала XVIII века Иоаким Богомолевский. Киев, 1902 (реп. А. И. Соболевского см.: ЖМНП. 1903. № 3. С. 182—185); С о к л о в Н. Философия Раймунда Люллия и ее автор // ЖМНП. 1907. № 8. С. 331—338; Н и к а н о р, архимандрит. «Великая наука» Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10—36; Х а р л а м п о в и ч К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; Р а й к о в Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.; Л., 1947; З у б о в В. П. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в. Русская люллианская литература и ее назначение // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 288—303; Г о р ф у н к е л ь А. Х. 1) Андрей Белобоккий — поэт и философ XVII—начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188—213; 2) «Великая наука Раймунда Люллия и ее читатели // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 336—348; 3) Неизвестное издание петровской эпохи // Гинга: Исследования и материалы. М., 1962. Сб. 6. С. 123—131; A n g u a l E. Barok polski między Madrytem i Moskwą: Kilka uwag i propozycji // Literatura—komparatystyka—folklor. Warszawa, 1968; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 204—207; S u c h a n e k L. 1) Thanatos i eschatologia: Z obserwacji nad poezją baroku rosyjskiego // Rocznik Komisji historycznoliterackiej. Wrocław, 1974. Т. 12. С. 3—21; 2) Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku // Slavica Orientalis. 1975. N 1. S. 39—46; 3) Poezja żałobna baroku rosyjskiego // Prace historycznoliterackie. Kraków, 1975. Z. 33. S. 33—46. К а м и н ь с к а А. О языке перевода «Пентатеугума» Андрея Белобоккого: (К вопросу о польско-русских литературных и языковых связях) // Slavica Wratislaviensia. Wrocław, 1977. Т. 12. S. 133—145; В о м п е р с к и й В. П. Стилистическая теория А. Х. Белобоккого // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Калинин, 1979. С. 9—29.

А. Х. Горфункель

Белоус Леонтий Петрович (вторая половина XVII в.) — составитель и автор рукописного сборника, написанного в Стокгольме в 1665 г. и хранящегося в БАН, 32.5.7. (см.: Исторические сборники XV—XVII вв.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 171—173), автор читающегося в этом сборнике Плача о реке Нарове.

Б. — житель города Ругодива (Нарвы), с 1581 г. принадлежавшего шведам, присоединившим в 1611 г. к своему владению и находящуюся на правом берегу р. Наровы крепость Ивангород. Во второй половине XVII в. многочисленное русское население этих мест подвергалось под властью шведов всевозможным притеснениям: русские выселялись в Ивангородскую сторону; для поселения им предоставлялся не сам город, а только посад; для построек отводились низкие, неудобные места. Немецкие и шведские бюргеры ограничивали торговлю русских купцов, не возвращали долгов, грабили имущество православных церквей. В грамоте 1664 г. на имя короля Карла XI Б. жаловался на неравноправное положение русских купцов по сравнению с немцами, которые «из немецкой земли приехали богаты, а ничего нам в долг не пособляют, чтобы на ноги человеку исправитца и стать, но во всем порчи доищут, ино как королевское величество нам тем не поможет, что волности в торговли по-прежнему, так в конец нашим детям погибнуть от них» (л. 36 об.). Особенно ухудшилось положение русских в 1655 г., когда Швеция готовилась к войне с Россией. Нарва укреплялась как передовой пункт обороны, военные

поборы ложились тяжелым бременем на горожан, на Ивангородском посаде конфисковывались пустующие дома, в основном принадлежавшие русским. Война длилась с перерывом с 1656 до 1661 г. В 1658 г. князь Хованский выжег предместья Нарвы, в этот же год город посетила чума, в июле 1659 г. Нарва пострадала от большого пожара. На 60-е гг. приходится время регентства вдовы короля Карла X и матери Карла XI Гедвиги Элеоноры; часть грамот, помещенных в сборнике, подписана ее именем.

Сборник Б. был написан им собственноручно для своего друга и родственника Федора Ергина (Яргина). В Предисловии к сборнику Б. подчеркивает эту дружбу: «И то zde явилосе межн нашей любви Яргина з Белоусом . . . да и дружеством совокупилися, ще жинами и ест друзи»; «Да и то лежит не токмо межн, но бы да и так и в корене укоренилосе в наших наследниках: дружеско бо жити праведным и истинным союзом». Другое обращение Б. к Федору названо «Приветствие к сротству».

Содержание сборника можно разделить на две части — деловую и литературную. В деловой части приводятся переводы с грамот шведских королей, их «привелеи» русским купцам и королевские грамоты ругодивским и ивангородским генерал-губернаторам по челобитным русских людей. Часть грамот Карла X и Карла XI (вернее, матери-регентши последнего) напечатана по этому сборнику в ААЭ (СПб., 1836. Т. 4. С. 112—113, 183—185). Несколько документов касаются непосредственно Федора Ергина: Указ Карла XI 29 ноября 1664 г. по спорному делу между Федором Ергиним и Кондратием Тимофеевым о наследстве Петра Китаева (л. 42 об.), перевод с грамоты Карла XI генерал-губернатору Бентгорну по делу Федора Ергина «в Каплинской кабале» от 2 декабря 1665 г. (л. 45). Не исключено, что и другие грамоты, приведенные в сборнике (всего около 30), интересовали Федора Ергина — о переселениях, о суде, о соляной торговле. Интересен список с грамоты из 6 пунктов, поданной Б. и Ждановым Карлу XI в 1664 г. Главный пункт документа посвящен вопросу о выселении русских: им было отведено место на Ивангородской стороне выше пристани, где грузят суда, за полмили от города, что было небезопасно в случае военных действий. Кроме того, в грамоте шла речь и о других проблемах — о трудностях торговли, о церковной земле и монастырской мельнице, об отмене извозной повинности, о представительстве в Думе от русского посада для защиты интересов русского населения и соблюдения королевских «привелеев». Остро стоял вопрос о религиозном неравноправии православных: правительство принимало ряд мер, поощряющих переход русских в лютеранство, запрещало ставить новые церкви; Б. в своей грамоте обращал внимание правительства на нехватку в Ижорской земле священников и просил отпустить из плена попов и дьяконов. В середине сборника Б. много чистых листов (3—7, 9—19, 22, 23, 28—31, 33, 34, 38, 39, 46—75, 76—79, 82—85, 87, 88), возможно, оставленных еще для каких-то копий или записей.

Трудно сказать, был ли сам Б. купцом. В сборнике нет никаких сведений о его собственных торговых интересах. Скорее, он был близок к деловым приказным кругам. Ему были доступны архивные документы в Стокгольме. Копии этих документов иллюстрированы в сборнике заставками, инициалами, изображением королевских печатей; выполненные масляными красками, золотом, они, по мнению исследовавшего сборник Д. С. Лихачева, воспроизводили украшения подлинных королевских указов. Интерес Б. к геральдике подтверждается и дважды воспроизведенным гербом шведских королей — на переплете сборника и на л. 20 об. — в сопровождении королевского титула. В записи на л. 90 о смерти отца Б. Петра Павлова сына Белоуса 19 января 1666 г. сказано, что это произошло в Стокгольме, «в дому Власа толмача».

Литературная часть сборника намного меньше деловой. В нее входят три обращения к Федору Ергину: «Предисловие», «Приветствие к сротству» и «Приветствие другу». Они написаны в витийственной манере с ши-